

Шкипер Аргос

**КАК СТАТЬ ЯХТСМЕНОМ
ИЛИ
ВОСПОМИНАНИЯ О НЕСБЫВШЕМСЯ**

*Посвящается
всем рыбам, ракам,
львам и скорпионам,
а также
всей прочей живности.*

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
КАК СТАТЬ ЯХТСМЕНОМ	4
1. Истоки	4
2. На мели.....	6
3. Ремонт яхты.....	17
4. Гроза.....	21
СЕРЕНАДА	26
ОЛЬГА!	27
ЛИЛОВЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК	28
ЛЮДИ-ЦВЕТЫ	29
ЦЫГАНОЧКА	30
МОЕЙ ХВОСТАТОЙ МИЛОЙ	31
БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ НА СВЕТЕ	33
ПОСРЕДИ ЗИМЫ	34
СНАЧАЛА БЫЛО СОЛНЦЕ	35
НЕБЕСА ТВОИХ ГЛАЗ	36
КУРОРТНЫЙ РОМАН	37
ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО	38
СТАРАЯ ПЕСНЯ	39
ХРАМ ХРИСТА-СПАСИТЕЛЯ	40
ГОРЫ	42
ОСЕНЬ	45
ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ	46
ШКИПЕР И МЭРИ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРАХ	49
<i>Киев</i>	49
<i>Каир</i>	50
<i>Пустыня</i>	55
КОЛОДЕЦ	60
БАСНЯ ПРО РАКА И РЫБУ	61
ДО ВСТРЕЧИ	63

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дабы избежать неизбежных упреков в графомании, довожу до вашего сведения, что человек, писавший сей опус, давно отдал Богу душу, исчез, растворился в пене морской, застудив голову солеными ветрами. И поскольку он не оставил никаких распоряжений насчет этих записок, я не нашел ничего лучше, чем представить их на ваш суд, надеясь тем самым хоть как-то воздать ему должное. Всё это писалось в разные годы и как бы разными людьми, и потому заслуживает снисхождения...

*Сквозь время видится ясней,
прошедшее
неповторимой грустью веет,
лишь теплый сон снимает груз с души.
Далекий образ всё милей,
и кажется —
костер в тумане тлеет
и ждет рассвета колокол в тиши.*

КАК СТАТЬ ЯХТСМЕНОМ

1. ИСТОКИ

Пытаюсь вспомнить, пытаюсь найти начало этой своей истории и не могу. Память уводит меня в далекое-далекое детство. Среди самых первых смутных воспоминаний о переходе в осознанную жизнь – желтый речной песок, бесконечно высокое летнее небо и безмерно манящая, притягивающая сила воды. Помню теплые отмели Таганрогского залива в Приморке, колышущуюся тень лодки над песчаными килями, застрявший в песке руль. Было мне тогда, думаю, года четыре от роду. Наверное, тогда-то это всё и началось, моя всепоглощающая любовь и страсть к воде, к морю, *к неизведанным просторам и к далеким берегам.*

Мы жили на крутом, овражистом берегу над Доном, в бывшей казачьей станции Верхне-Гниловская, которая тогда уже была окраиной города Ростова-на-Дону. От дома, если выйти в переулочек, открывался вид на бескрайние заливные луга левого берега Дона, за которыми по ночам поблескивала цепочка огней Батайска. Помню фотографии в старинных рамках у тетки на комод: мой дед в морской форме, какой-то крейсер на рейде, а вот бабушка в подвенечном платье об руку с дедом. Бабушку я очень любил и, кажется, взаимно. Была она из приазовских греков из села Приморка, что в устье Дона. А дед умер еще до моего рождения. Был он боцманом, вот только не знаю на каком судне. А может и не боцманом, а офицером, потому что после выхода на пенсию, еще до революции, он получил добрый гектар земли под свою усадьбу в этой самой Верхне-Гниловской, позже эту землю поделили между собой его дети.

Потом был долгий путь вверх, во взрослую жизнь. И на этом пути меня неотделимо сопровождала река. Дон был моим вторым домом, домом с дивным запахом рыбы, тины, просмоленных лодок, с гудками буксиров и очередью барж перед подъемным железнодорожным мостом. Ранней весной я бегал смотреть на ледоход. Лдины, крошась о берег, спешили к морю. Рыбаки на пристани таскали рыбу прямо из подо льдин такими большими сачками-черпаками на длинных палках. В мае Дон разливался до самого горизонта – тогда еще не было на нем столько шлюзов, регулирующих сток. Мы с пацанами переплывали на лодке на левый берег и ловили на отмелях рыбу, чем бы вы думали, за неимением лучшего – волейбольной сеткой! Ловилась только та рыба, что не проскакивала в ячейки сетки, и было такой предостаточно.

Жарким летом я любил смотреть с пристани на проносившиеся мимо лакированные швертботы, которыми ловко управляли сидящие на борту полубоги. В груди что-то сладко замирало, казалось, нет большего счастья, чем нестись под парусами навстречу неизведанным просторам. И я отпраивался домой мастерить очередной кораблик или, переплыв на рейсовом катере на Зеленый остров, путешествовал по камышам на какой-нибудь коряге. Почему-то мне даже в голову не приходило пойти в яхт-клуб и попроситься в команду на какую-нибудь яхту. Не

то, чтобы этот путь был недоступен для простых смертных, нет, просто такой вариант для меня не существовал даже в мыслях. Я шел по пути, который казался мне тогда самым очевидным. Выкопать из песка старую лодку, отремонтировать, засмолить и потом путешествовать на ней по тем же камышам или, свесившись за борт, любоваться до бесконечности подводными джунглями, ракушками и игрой рыбок на дне. Мне иногда снился один страшный сон, кошмарный своей реальностью и трагизмом. Снилось мне, что Дон пересох, и я перехожу его по колено в грязи как раз напротив яхт-клуба "Аврал". И там, где была глубина, течет лишь жалкий ручеек мутной жижи вперемешку с илом. Ил засасывает меня, мои ноги немеют, дыхание останавливается. И я просыпаюсь в холодном поту и с жутким облегчением осознаю, что это всего лишь сон. Мой Дон так же полон и бесконечен, как жизнь, ждущая у порога.

Теперь вспоминая всё это, невольно думаешь, что от судьбы не уйти. Прошло много лет. Учеба, потом работа надолго оторвали меня от воды. Я даже переехал в сухопутный город, отчего долгое время страдал. Но давняя страсть пробила себе дорогу, воплотившись сначала в увлечение виндсерфингом, доступное даже на небольших водоемах, а потом оказалось, что и до моря не так уж далеко, всего три часа на электричке. Всё развивалось стремительно, как болезнь после длительного инкубационного периода, слава богу, моя научная работа предоставляла мне достаточно свободного времени. В кратчайшие сроки, менее чем за десять лет, я прошел путь от яхтенного рулевого до капитана, заработал несколько призов на крейсерских регатах, изучил на яхте всё Азовское побережье, обошел несколько раз Черное море, побывав во всех причерноморских странах, и уже собирался в кругосветку. Но судьба решила, что хватит. Жизнь вокруг резко изменилась, и моя кривая загнулась вниз. Высокая академическая наука, которой я отдал половину своей жизни и в которой я чувствовал себя не последним человеком, эта наука рухнула за ненадобностью и полетела вниз, увлекая за собой всех своих жрецов. Падая с этих сияющих вершин в пучину всемирного потопа я неожиданно нашел спасение на своей яхте.

Я превратился в профессионального яхтсмена, то есть мне на протяжении нескольких лет удавалось неплохо зарабатывать, катая на яхте отдыхающих в Крыму и на Азове. К сожалению, всё хорошее рано или поздно кончается. Не знаю, сколько еще выдержит моя старушка-яхта, но я лично точно на исходе, слишком уж тяжел и опасен этот труд. Слишком уж много сил забирает это болтание по три месяца в море у открытого берега (что особенно опасно).

Опыт показывает, что каким бы ты ни был профессионалом, как бы ни предугадывал все возможные последствия, как бы ни *закладывался*, как бы ни страховался от всяческих неприятностей, всё равно, если ты вышел в море, то жди – что-нибудь да произойдет, да по несколько раз за сезон, и каждый раз что-то новое. И ты живешь с ожиданием этого, неизвестно чего, ты спишь с ним, ешь, пьешь, пытаешься радоваться удаче и хорошей погоде. Но морю это безразлично, оно даже не замечает, когда в очередной раз достает тебя. Вопрос только в потерях, хотя, вот это-то как раз твоих руках. Но даже когда всё заканчивается благополучно, всё равно остаются зарубки на сердце. И потом, зимой, когда случайно видишь на эк-

ране телевизора грохочущий прибор, они вдруг начинают ныть и болеть, вызывая легкую тошноту.

Я выдержал четыре сезона в Крыму, после чего решил было ограничиться мелкими заработками на Азове. Но и родной Азов не поспешил на трепку и дважды мне так наподдал, что забуду не скоро. Наверное, чтобы освободиться от таких воспоминаний, нужно разобрать их по косточкам, разложить по полочкам и благополучно забыть. Вот почему я и решил попытаться хотя бы частично их описать. А может быть, мне хочется еще раз проанализировать собственный опыт. А может..., но не будем о грустном. *Пусть прольется, а там разберемся.*

2. НА МЕЛИ

Как-то в начале октября мы с Леной, удачно отработав сезон, перегоняли яхту из Крыма в Мариуполь на зимнюю стоянку. Всё складывалось хорошо. Из Судака вышли на рассвете и с остатками ночного бриза обогнули мыс Меганом. За мысом, как всегда, было беспокойно, море волновалось, вскидывая гребни к светлеющему небу. Волны, идущие с юга, встречались с волнами, идущими с востока, и, толкаясь, спешили дальше к хмурому Карадагу. Над черным пиком мыса Киик-Атлама на другой стороне Коктебельского залива застыло ослепительно белое солнце, раздумывая, то ли ему скатиться поспать обратно за мыс, то ли таки подняться и поработать еще денек на исходе летнего сезона. Пока мы шли через залив, Земля слегка повернулась, ночной бриз выдохся, яхта захлопала парусами, и мы попрыгали в воду, чтобы смыть с себя остатки сна.

Бабье лето, последние теплые денечки, прозрачные небеса. Прохладный ветерок щекочет кожу. Остатки волнения раскачивают яхту и вместе с ней обсыхающие голые фигуры на носу. Слияние с пространством, соитие с природой, куда деваться от нежности обласканной солнцем кожи, от сжимающей силы серых струй морского воздуха, и холодный металл носового релинга только поддает жару. Пришлось снова купаться.

До Феодосии дошли под мотором. Ах, Феодосия:

*Под черепичную крышею красной
В одеждах из дикого винограда
Стоит старьй дом в переулке покатои,
Который сбегает ступенями к морю.
Из темноты, из зелени к солнцу
Распахнута маленькая калитка,
Упругими лапами землю толкая,
Выходит тигренок
И смотрит на море,
Как будто он ждет от него чего-то...*

*А море блестит равнодушно на солнце,
Ему безразличны кошачие страсти.
Лишь ветру бездумному море подвластно,
И ветер несет ожерелья из пены*

*На пыльный пустой переулочек покатый,
На домик под красною черепицей,
На дикую зелень и жмель винограда,
На шерсть опаленного солнцем тигренка...*

но об этом позже. Еще день такой же хорошей погоды и мы в Керчи. Керчь – дивный город. *Митридат, ты моя, Митридат...*

Керченские пограничники – *бравые ребята*, никогда не угадаешь... Я им, – *пустите, люди, плачут дома детки*. А они мне, – *что нам достанешь ты из штанин дубликатом бесценного груза...* В достопамятные застойные времена выход на яхте в Черное море был экстраординарным событием. Еще бы – территориальные воды, граница, священный трепет... С приходом демократии всё резко изменилось. Теперь кроме пограничников нужно проходить еще таможенный контроль, санитарный контроль, портнадзор и спорткомитет, а священный трепет территориальных вод распространился аж до Мариуполя. Ясно, что, как писал поэт, *если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно*. Но ситуация эта – *один с сошкой, а семеро с ложкой* – до боли привычная, и как бороться с ней – известно. И телевизор каждый вечер, надрываясь от возмущения, ругает неосознательных налогонеплательщиков, заповоливших просторы родной Украины. Наше вновь обретенное государство – это, как плохая погода, – раскрываешь зонтик и живешь себе под ним. Вот только грязь снизу достает. Утром следующего дня выходим из Керчи на Мариуполь.

Сумерки неумолимо окутывали окружающее пространство. Берег исчез из виду, но всё еще напоминал о себе отдаленным рокотом прибоя, который прорывался иногда сквозь свист ветра. Этот холодный встречный ветер слепил глаза солеными брызгами и продувал, казалось, насквозь до самых костей. Боже, впереди еще вся ночь, по такой погоде не поспишь, не подремлешь. Я уже начал жалеть, что вышел из пролива. Вот уж эта вечная спешка, и куда мы только спешим... С другой стороны – осень, чего еще ждать. Поскорей бы домой, в тепло, к семье. Хорошо, когда тебя ждут. Нужно только потерпеть...

Вскоре совсем стемнело, лишь полосы пены подсвечивали горизонт, искрясь изумрудными брызгами светящихся букашек. Веселая, должно быть, у них жизнь – тобой играют волны, а ты в ответ фосфоресцируешь холодным мертвенным светом. Брр!.. Жуть! Это от холода такие холодные мысли. Вот летом, вот жарким летом совсем другое дело. Море светится по ночам просто упоительно. Ты ныряешь под воду, и голубой огонь обволакивает тело. Первый раз это потрясает. Где и когда это было. Давным-давно, кажется, была одна ночь на Арабатской стрелке под черным летним небом, была одна девушка как украшение шумной мужской компании, была на ней белая маечка, с безнадежным желанием облегающая грудь, и была в этой девушке молчаливая неизвестность, как окно в призрачную страну Фантазию. Потом совсем стемнело, и с темнотой Фантазия опустилась на землю. И всё растворилось в ней без остатка. Растворились и шум, и компания, и девушка, и одежда. Все бросились купаться, и можно было только догадываться, как на невидимых травинках, выпустив на волю свое сокровище, невидимо и укоризненно покачивается сброшенная белая маечка.

И тут море взрывается голубым пламенем брызг. А-а-ах! Вопли восторга. Под водой светятся тела, мир теряет свою реальность, электрический ореол вокруг тел расширяется до бесконечности, ореолы скрещиваются и проходят друг сквозь друга. Мы чувствуем друг друга, мы ощущаем друг друга через воду и на коже остаются ожоги электрических разрядов. Где ты, незнакомка, ушедшая в бесконечность? Потом была другая ночь, другое лето, но это уже совсем другая история. И как тут не вспомнить:

*На морском песке горит костер,
Солнца призывая
свет.*

*Звезды блещут сквозь ночной шатер, —
Никого на свете
нет!*

*Нет вокруг галдящих площадей,
Гулких залов ждущих
лиц, —
Ты стоишь нагая на песке,
Пред тобой паду я
нищ.*

*Милых ног томящие следы
Буду целовать
без слов,
Все слова сегодня не важны,
Слышишь сердца вечный
зов.*

*Искры от костра летят во тьму,
Превращая ночь
в рассвет.
Мы с тобой одни на берегу, —
Никого на свете
нет!*

*Ни родных, ни близких вдалеке,
Нет народов и
границ, —
Ты стоишь нагая на песке,
Пред тобой паду я
нищ.*

*Боже, подними меня с земли,
Дай обнять тебя
без слов,
Все слова сегодня не важны,
Слышишь сердца вечный
зов.*

К полуночи я совсем задубел. Лена изредка просыпалась и кипятила мне кофе. Впрочем, вряд ли она спала, просто лежала, наверное, свернувшись калачиком на диване с подветренной стороны, упираясь ногами и спиной в дубовую переборку, лежала и думала. О чем там она могла думать? Наверняка, о том, когда же кончится этот кошмар, или, тонем мы или нет. Тонуть мы пока не собирались, да и ветер был не такой уж сильный, но волны были приличные, короткие и высокие, как всегда на этом мелководном Азове. От них невозможно увернуться, особенно ночью. И потому они с суровой неизбежностью время от времени лупили в левую скулу так, что лодка сотрясалась и гудела, как пустая бочка. Какой уж тут сон, не наставить бы себе синяков от таких прыжков.

Выйдя из Керченского пролива, мы получили, как говорится, по зубам – ветер точно в лоб. Пришлось вместо Nord-Nord-Ost идти на Nord-Ost к восточному Российскому берегу. Я надеялся, что со временем ветер отойдет к востоку и там под берегом будет поспокойнее. С учетом дрейфа и встречного волнения наш реальный курс был и того хуже, наверное, Nord-Ost-Ost. Это означало, что рано или поздно мы упремся в российский берег, где-то между Темрюком и Ахтарями. Хоть бы не ночью, – там полно сетей.

Я сидел, полулежа, упираясь ногами в подветренное сиденье кокпита, и отрабатывал рулем каждую волну. Чтобы яхта не теряла остроту курса к ветру, нужно слегка уваливаться под ветер, когда лодку поднимает на гребень волны, важно не дать ей остановиться в этот момент. Потом съезжая с волны приводишься на прежний курс. При этом вовсе не обязательно смотреть на воду, просто сливаешься с лодкой в одно целое, ее ощущения передаются тебе, а ты передаешь их рулю. Эту привычную монотонную работу я выполняю автоматически и могу делать ее даже во сне, как не раз бывало, когда к утру засыпаешь на вахте от усталости и ведешь лодку, как говорится, на автопилоте. Говорят, будто птицы могут спать на лету, охотно верю. Но сейчас после каждой крупной волны я получал порцию холодной соленой воды в лицо, какой тут сон. Эх, скорей бы в тепло, погреться у печки. Пусть даже зима за окном. Зима – это хорошо, зима – это лыжи...

Как-то зимой в Бакуриани накатавшись на лыжах лежу я в тепле и сплю себе, отдыхаю совсем, уставший от лыж и гор и крепко пьяный от запаха снега и трех бутылок "Кинзмараули" на сон грядущий. Сплю я так себе, посапываю, никого не трогаю и, можно сказать удовольствие от жизни такой получаю. Как тут трясет меня за плечо мой лучший друг Володя Антонов, что сейчас в своем Штутгарте живет-сучает, а старший брат его Виктор на соседней койке спит, потому что уже далеко за полночь, а нам с ним – далеко за тридцать. Трясет он так меня и говорит, подлец, хоть я и делаю вид, что совсем сплю и его не слышу. Так вот, говорит он мне:

– Володя, слышишь, Володь! Тут два друга приходили, хотели тебя разбудить, так я им не дал. Я правильно сделал?

– Нет, – отвечаю я, со стоном переворачиваясь на другой бок. – Только не *это!*

Или как-то сижу я после болезни на работе и глазами блымаю за компьютером, то есть делаю вид, что думаю... крепко... очень, и даже изредка пальчиком этак по клавишам тыкаю: "Тык!.. Тык!". Это у меня в голове как бы мысли стучат: "Тук!.. Тук! Откуда, интересно, у меня сейчас мои остатки гриппа закапают? И

нужно ли доставать носовой платок до того или после? И не пора ли уже это делать?" Так вот, в разгар этой самой драмы ума вдруг звонит мне из Феодосии одна..., вернее, исполнительный директор одной фирмы и говорит с неподдельной угрозой нечто вроде: "Вот я тебя сейчас!", и так далее. А у меня даже сил нет сказать: "Нет, только не *это!*"

Как писала в аналогичном случае некая прекрасная Елена Галатеевна в редакцию одной популярной во времена застоя молодежной газеты: "Дорогая редакция, помоги мне разобраться в моей личной жизни. Мой муж меня всё время *это*, ну, не знаю, как *это* по правильному назвать, вы уж сами вставьте себе, что нужно куда следует. Так вот, дорогая редакция, всё время меня он *это*. Ложимся спать – он меня *это*, встаем – он меня *это*. Позавтракаем там, или пообедаем – он меня тут же *это*. Звоню по телефону подруге – *это*, готовлю еду или прибираюсь на кухне – он меня *это*, стираю белье – *это*, смотрю телик, вяжу, читаю – *это*. Сейчас вот, письмо вам пишу, а он меня *это!* Извини уж, дорогая редакция, потому и почерк плохой, что рука дрожит". Так писала несчастная прекрасная Елена Галатеевна в редакцию известной молодежной газеты, – "Посоветуй, дорогая редакция, как мне быть, или может читатели подскажут, что мне делать, только бы не *это!*"

Редакция получила многочисленные отклики на эту заметку. Большинство читателей отнеслись к Елене Галатеевне с пониманием и сочувствием. Женщины, как существа более эмоциональные, гневно клеймили это и этих. Мужчины, более склонные к технике, советовали применить различные радикальные средства от электроножниц до суперклея "Спрут". В редакционной почте попадались и примеры истинного самопожертвования. Так одна жительница Нового Уренгоя, Тюменской области, предложила приехать к Елене Галатеевне за свой счет и каждый раз совершенно бескорыстно заменять ее в упомянутых *это*-случаях. Аналогичные предложения поступили также из целого ряда республик и областей бывшего Советского Союза. Но совершенно потрясло редакцию письмо одного капитана дальнего плавания. Случай, о котором он рассказал, был настолько необычен, что женская половина редакции сразу же задумалась, а может, замечталась. А вся мужская часть проявила вдруг сосредоточенный интерес к прямой телевизионной трансляции уборки сахарной свеклы.

"Случилось это в территориальных водах бывшего СССР, точнее в Черном море у его Крымского побережья. Помню, как сейчас, следовали мы чартерным рейсом из Судака в Новый Свет или, может, в Новую Каледонию, точно не скажу, хотя помню всё, как наяву. Отшвартовались мы, всё, как положено, сидим, таможенные декларации разливаем. Как вдруг из воды, из этой зелени морской выпрыгивает русалка и, шлеп, прямо к нам на палубу. Ну, прям, *здэрастье, я ваша тетя, я буду у вас жить*. Ну, прямо так и говорит почти человеческим голосом, женским только немного, писклявым таким, писклявым. "Я, – говорит, – в Крыму всех и всё знаю, вас вот только не знаю. Даже их благородие адмирала Касатонова знаю, в кабинеты к себе приглашали, да я уж не пошла – староват, гляди, опозорит еще честь российского флота. А с Юрием Мешковым, с президентом нынешним, мы, вообще, на одном горшке сидели, ну, то есть по очереди, конечно. Он, правда, тогда еще только собирался баллотироваться..."

Рассказывает она это, а вода с нее в три ручья стекает прямо на палубу, а с палубы – в кокпит, а из кокпита – напрямиком в трюм, потому что кокпит у меня дырявый. А в трюме и так полно воды, потому что яхта старая. Хотя, быть может, и не такая старая, как российский адмирал Касатонов. Подобный беспорядок на судне меня всегда угнетает. И я начинаю думать, что президенту Мешкову следовало бы поосмотрительнее относиться к выбору своих одnogоршковцев или одnogоршководов. Пытаясь проследить путь воды я замечаю, что начинается этот *бурный поток* с русалковой головы. Ну, голова, как голова, головка такая светленькая, такая кучерявенькая, но мокрая очень уж такая. Глаза тоже на ней такие мокрые, но зеленые, зеленоватенькие такие. Губы – так себе, как мокрые розы, ну совершенно бледно-розовенькие такие губки, губы. Шейка, шея, плечи, плечики такие, грудь, кажется, на ней еще и майка, ну совершенно мокрая, такая мокренькая, мокренькая, надо бы снять просушить. Ну, в общем, ничего особенного, даже хвоста нет. Вместо хвоста две ноги, вот отсюда и донизу, и обе совершенно голые, даже чешуи на них нет. Ну, просто ерунда какая-то, загляденье, прям, какое-то, наваждение. Ну, где вы видели, чтоб русалка была без хвоста. Просто срам. Бракованная она что ли? Надо бы проверить.

Команда моя тут же сбежала с перепугу на берег, а я сказал, что, мол, я и не такое видывал, и остался, чтобы посмотреть, какое оно из себя это не такое".

Далее с письма следует длинный список из ста с лишним наименований судового оборудования, диванов, столов, предметов рангоута, стоячего и бегучего такелажа, на котором капитаном проводились исследования этого такого не такого. После чего капитан делает вывод, что при всей его дотошности, ничего такого, чего бы он не видывал, он пока не обнаружил. Но вопрос его заинтересовал и требует дальнейшего изучения, для чего он просит редакцию командировать его в Крым будущим летом. Редакция решила, что утро вечера мудренее, и пошла спать, пожелав всем спокойной ночи. А русалка так и осталась жить на яхте, Вот навалилась мне на плечи – не вздохнуть. Ну, что тебе, зеленая?

– Володя, а Володь, может тебя сменить? – Лена трясла меня за плечо. – Ты что, уснул? Давай я посижу на руле, стихает вроде.

Погода и впрямь убила, видно, потому я и заснул. Вода разгладилась, небо впереди посветлело – скоро рассвет. Яхта уверенно держала курс на Nord-Ost. Похоже, можно было передать руль моей русалке.

– Держи острее к ветру, но не слишком, а то встречные волны будут останавливать лодку. Если что увидишь – буди. Вообще, смотри по сторонам. Ты тепло оделась?

– Yes, sir! – Лена взяла под козырек. Не может забыть свои флотские игрушки. Тоже мне, мичман, я сам себе капитан...

Бормоча что-то еще себе под нос и жалуясь на судьбу после двадцатичасовой вахты я едва нашел в себе силы скинуть сапоги и непромоканец и рухнул на диван. – Володя, Володя, берег! Вставай!

Чертыхаясь, я снова натянул непромоканец, сапоги и вылез из каюты. Оказалось, что я проспал четыре часа. Что ж, хоть что-то. Солнца нет, но облачность высокая. Похоже, пронесет. На горизонте справа по курсу серела полоска берега. Миль пять, – прикинул я. Есть время попить кофе. Дальше придется лавироваться вдоль берега, чтобы, в случае чего, спрятаться в Приморско-Ахтарске. Знать бы

еще, где мы. С моим навигационным оборудованием только пальцем в небо попадать. Я зажег газ под чайником и развернул на столе карту, если можно было назвать картой пожеванную ксерокопию с "генералки" Азовского моря. Наша скорость с момента выхода из пролива менялась в пределах от трех до пяти узлов, идем мы 24 часа, курс от NO до NOO, значит, мы находимся где-то здесь. Мой палец очерчивал круг диаметром миль пятьдесят. В лучшем случае мы зайдем в Приморско-Ахтарск к обеду, в худшем – к вечеру. Ночью туда лучше не соваться, я уже как-то раз пробил там борт подводной сваей.

Чайник закипел, и я приготовил кофе себе и Лене.

– Держи стакан, матросик, смотри, горячий. Что будем делать, если ветер опять усилится, а мы не успеем зайти в залив? – подбросил я пищу для размышлений и вернулся в каюту.

Я не стал ее пугать, что в этом случае придется развернуться и дуть по ветру обратно в Керчь. Лавироваться ночью имея под ветром неизвестный берег со столбами ставников не просто опасно, а очень опасно, а закладывать другой галс через всё море на Nord-West при усиливающемся восточном ветре не очень-то разумно. С какой-то ленивой безнадежностью я некоторое время раскачивался над картой, пытаясь скомпенсировать качку, чтобы не пролить из стакана обжигающий кофе. Дивный ритуальный танец, что-то вроде заклинания змей.

К полудню мы встретили двух рыбаков на моторной лодке. Они проверяли сети и поначалу, видно, испугались нас, такая уж у них судьба, видеть в каждом плавающем предмете сотрудников рыбоохраны. Но потом, разглядев нас лучше, обрадовались, насыпали нам кастрюлю рыбы и чуть ли не насильно сунули бутылку воды: "Вам еще далеко!". Я пытался дать им денег, но они только отмахнулись. Что в море эти бумажки! Водки у меня, к сожалению, не было.

Удивительное дело. Тысячелетиями жили у этого моря люди, ловили себе рыбу, сами кормились и другим продавали. Но однажды пришел один умник со своими апостолами и обозвал море и всё иже с ним общенародной собственностью, а всех живущих у моря – браконьерами, нарушающими, подумайте только, "экологию окружающей среды". И дабы уверить всех в своей заботе об этой самой среде были построены у моря сразу несколько металлургических гигантов, сливающих раскаленный шлак прямо в пенные волны, чтобы не очень-то пенились. Однако общенародной собственности это дело почему-то не понравилось, и она в большинстве своем либо сдохла, либо предательски ушла жить в другие, менее общенародные моря. Остались самые ленивые, которым было наплевать на себя и на все свои грядущие поколения. Раньше такую рыбу настолько не любили, что даже из сетей выбрасывали. Теперь, однако, и она пошла в ход. И дабы местные несознательные браконьеры не ели рыбу сами, а отдавали бы всё сознательному и передовому, но живущему далеко от моря отряду общества был придуман весьма остроумный ход.

Вы скажите:

– Наверное, местным жителям предложили мясо взамен рыбы, что-то же надо им кушать.

– Господа! – отвечу я вам. – Что же тут оригинального. Тут нет никакой передовой идеи.

– Тогда, быть может, пригнали наемников-швейцарцев, чтобы всех тут приструнить?

– Увы, господа, позвольте вам напомнить, наемники были еще в Древнем Риме, и Рим полетел в Тартарары. Потому что наемников нужно кормить, а значит отдавать им ту же рыбу или мясо.

– Всё гораздо проще. Гениально просто. За эту гениальность вся наша земля памятниками этому дяде отмечена.

Вот вам решение проблемы. Среди живущих у моря браконьеров всегда найдутся такие, которые рыбу не ловят, в силу своей лени, а только едят. Но раз они рыбу не ловят, не важно почему, значит, они фактически являются сознательным и передовым отрядом. Им выдается удостоверяющая сей факт бумажка, форменная фуражка и красивая кобура и предписывается охранять остатки общенародной собственности от несознательно желающих кушать браконьеров. Таким образом, местное население разделяется на казаков и разбойников, рыбоохрану и браконьеров, вохровцев и зеков и т.д. в зависимости оттого, что требуется охранять, и дальше всё вертится само по себе, поставляя необходимые продукты в общенародный котел.

Однако, ни что не вечно... Лакированный козырек тускнеет, кобура протирается и перестает, как прежде, радовать хозяина. К тому же оказывается, что он женился, в доме семеро по лавкам скачут, а сварливая жена требует поменять разбитое корыто на новую избу. Устав от таких забот, рыбоохрана закрывает сначала один передовой глаз, а потом и второй. Причем, случается это в самый ответственный момент, когда мимо проплывает несознательный элемент с полной лодкой рыбы. Тут уж, конечно, часть рыбы в поисках защиты перепрыгивает из лодки браконьера в лодку рыбоохраны. В итоге все довольны, кроме дяди у общенародного котла, потому как ему вроде нечего раздавать и, значит, нужно искать себе другую работу.

Тогда из среды сознательного и передового, но живущего вдали от моря отряда избирают самых сознательных и самых передовых, но ни на что больше не годных представителей. И называют их каждый раз по новому, по передовому: контрольная комиссия (КК), ревизионно-контрольная комиссия (РКК), народный контроль (НК), чрезвычайная комиссия (ЧК), КРУ, ОБХСС, ВЧК, МГБ, ОГПУ, НКВД, КГБ и т.д. и т.п. до бесконечности во времени и пространстве. Потому что побороть законы природы под силу лишь бесконечной глупости. Комиссия выезжает на место, разбирается, снимает с негодников фуражки и отбирает кобуру и отдает их новым подростшим кандидатам, которым тоже хочется поносить фуражку и кобуру, а ходить в море и ловить рыбу не хочется. В целом это почти вечный двигатель, изобретенный гениальным дядей. Вот только фуражки уже на исходе. Правда, если разобраться повнимательнее, то и это "изобретение" *пребывало в веках, ибо ни что не ново под луной.*

Так размышлял я себе, пока мы лавировались вдоль берега в сторону Приморско-Ахтарска. Поев ароматной жареной рыбы, экипаж воспрянул духом. Но день уже клонился к вечеру, а берег всё еще тянулся бесконечной желто-зеленой лентой без каких-либо признаков жилья. К тому же, после обеда ветер заметно усилился, по морю протянулись полосы пены, а на прибрежных отмелях запляса-

ли барашки. Мои глаза устали от соли и встречного ветра и я с большим трудом всматривался вперед, чтобы не наскочить на сети. Сети приходилось обходить, делая крюк далеко в море. Они тянулись от берега к специальным ловушкам для рыбы, навешенным на столбы сетям – ставникам. Иногда попадались отдельно стоящие ставники, но никогда заранее нельзя было угадать, идет от них к берегу трос с сетями или нет. Поплавки сетей практически невидимы из-за волн.

Наконец берег стал отходить к востоку, значит скоро конец косы, где она широкой дугой закругляется в залив к Приморско-Ахтарску. Эх, успеть бы! Осенний день короток. В семь начинает темнеть. Опять ставники. Может быть, проскочим, срежем к берегу, неохота терять больше мили на обход. Но нет, чудес не бывает, в десяти метрах по ходу замечаю поплавок. Резкий поворот оверштаг, не успеваем сбросить стаксель-шкот и яхту кладет на бок. Ладно, потравили шкоты, встали и пошли. Еще двадцать минут тратим на обход ставников.

Берег всё больше отворачивает к востоку, мы идем уже в полветра, потом в бакштаг, узлов шесть – семь. Черт, хорошо идем, шли бы так из Керчи – были бы уже дома. Небо потемнело и на его фоне зеленоватая вода, покрытая полосами пены, кажется снежной равниной. Но что это за торосы впереди? Мель! Море вздыбливается, как снежные отвалы вдоль зимней дороги. Ну конечно, на конце косы всегда мели. Я привожусь и останавливаю яхту. Паруса бешено трепещут на ветру. Смотрим влево по ходу, – гребни бегут до самого горизонта и теряются во мраке. Смотрим вправо, – там где-то в миле от нас берег, но его уже не видно – темно. Смотрим вперед, – прямо по курсу огни Приморско-Ахтарска или его окраин, сам город должен быть правее за косой. Смотрим назад, – черная пасть штормового моря со светлой полоской уходящего дня на горизонте. Брр! Только не это! Обходить косу слева по центру залива? Но там полно ставников. Въехать ночью в ставник на попутном курсе, чтобы тебя прижало к столбам с натянутой между ними стальной проволокой толщиной в палец – перережет корпус и мачту снесет. Нет уж, спасибо. Что же делать, от усталости состояние уже полубессознательное. Осталось-то пути всего ничего, вот только завернуть за косу.

Я, наверное, думал меньше, чем заняло это описание. Скорее всего, я не думал вообще, как не думаешь, отворачивая рулем от опасности, или когда закрываешь глаза от брызг, – животный инстинкт. Моя уставшая башка не нашла тогда лучшего решения, да и сейчас, по правде сказать, я его не вижу. И хотя полагаться на авось не в моих правилах, мы всё же сняли паруса, выбрали шверт и руль и ринулись через мель на моторе. Отчего бы не воспользоваться преимуществами швертбота – полметра осадки под мотором вместо метра семидесяти под парусом.

Первый пережат проскочили благополучно, за ним – второй. На третьем мы сели. Винт натужно выплевывал из-за кормы воду с песком. Я спрыгнул в воду и плечом подтолкнул лодку вперед. Пошла, родимая! Слава богу, проскочили. Эй-эй, только не убегай. Я подтянулся на кормовом релинге и забрался в лодку. Полный вперед! Но радость была преждевременной. Снова пережат, снова толкаю лодку в корму. На этот раз, кажется, сели основательно. Мотор заглох, зарывшись винтом в песок. Ставим стаксель и толкаем лодку дальше. Эх, дубинушка, ухнем!

– Лена, на борт, закрепи лодку!

– Что-то она совсем не кренится.

– Господи, да тут же по щиколотку у носа, берег тут что ли! – Наконец-то, я одумался и пошел вперед осмотреться.

Надо же, дно впереди поднималось на поверхность. Сгоряча мы вытолкали лодку наверх, и теперь она крепко сидела всем корпусом в песке. Боже, так сесть на мель на швертботе – это надо суметь, это не каждому под силу. Вот дела, что же теперь делать, – лодка, хоть и называется швертботом, однако весит две тонны и стянуть ее на глубину будет непросто.

– Лена, дай водички, что-то у меня внутри всё пересохло.

Пересохнуть было от чего. Девять вечера, берег неизвестно где, только огни Приморско-Ахтарска через залив на горизонте. Ветер дует с моря в залив, значит уровень воды на этой мелкоте сейчас выше обычного. Насколько – быть может, на полметра, а может быть и на метр. Но под лодкой всего двадцать сантиметров воды, и когда ветер стихнет и вода уйдет, лодка окажется на суше. На буксире сюда не подойдешь, на тракторе не подъедешь, разве что, когда море замерзнет, кстати, недолго уж осталось. Ну и шуточки, не зимовать же нам здесь. Ну-ка, напряжем извилины.

Следующие три часа прошли, как страшный сон. Я напрягал свои измученные извилины, жилы и мускулы, кости и всё, что там еще оставалось под мокрой одеждой. Лена не отставала. Наконец, после полусотни неудачных попыток мы нашли верный способ и стащили лодку на глубину. Сначала я завел якорь с кормы, оттащил его метров на тридцать и зарыл в песок, вернулся на яхту, провел якорный канат через шкотовую лебедку и закрепил на кормовой утке. Затем снял гика-шкоты и закрепил одни блочки на утке, а другие – в натяжку на якорном конце. После чего я шел, становился на якорь, чтобы удерживать его лапы в песке, а Лена выбирала шкот общей длиной более десяти метров. Потом возвращался, растравливал гика-шкоты и перецеплял блочки. За одну такую операцию нам удавалось сдвинуть лодку сантиметров на пять – десять. Мокрые капроновые канаты растягивались, как резина, якорь вырывался и скользил по дну. Там было почти по пояс воды, и я с трудом удерживал его своим весом. *Ох, и трудная это работа, из бо- лота тащить бегемота:*

Казалось, прошла вечность, прежде чем лодка снова закачалась на воде. Я развернул ее носом к ветру и завел еще один вспомогательный якорь. Лена вскипятила чай. Я с трудом поднялся на яхту, скинул с себя кучу мокрой одежды, снял сапоги и вылил из них воду. Крепкий чай вернул нас к жизни, и я красочно расписал перспективу зимовки во льдах и как мы бегаем на коньках через залив в Приморско-Ахтарск за хлебом. Наверное, еще с полчаса мы хохотали до потери пульса, сбрасывая с себя нервное и физическое перенапряжение. Странная это была картина. Темная осенняя ночь, ворох облаков на небе да цепочка огней на горизонте, и где-то посреди моря – одинокая яхта на отмели. Ветер свистит в вантах, колотятся фалы на мачте, а в рубке мерцает желтый свет и двое чудиков хохочут до упаду над собственной бессмысленной судьбой. Наконец, мы забылись до утра, грея друг дружку под ворохом полумокрых одеял.

К утру ветер стих. Мы проснулись в луже между перекатами и неизвестно, был ли оттуда путь обратно в море. Коса, как я и предполагал, была недалеко, все-

го в полумиле от нас. Другая сторона залива тонула в утреннем тумане. После завтрака я разделся и полез в воду искать проход на глубину.

– *Матросская шапка, веревка в руке*, – "Аргоша" покорно тащилась за мной, как корова на привязи.

– Эй, капитан, сэр, забирайте правее. – Лена высматривала проход с высоты рубки.

– И, смотрите, не отморозьте там себе общественное достояние.

После ночного сражения настроение было просто прекрасным. Вот только тело отказывалось повиноваться. Но я довольно быстро вывел лодку на глубину. Ветер отошел таки к востоку. Мы подняли паруса и заскользили по осенней воде под прикрытием Должанской косы в сторону Мариуполя. Бабье лето вновь поражаало своей синевой, а серые струи тумана поднимались над берегом и тянулись вслед улетающим в теплые края облакам. Море отпускало нас до следующего раза, и дымный город протягивал к нам свои спасительные руки. *Распрощаемся, не плача, встречаемся, смеясь.*

3. РЕМОНТ ЯХТЫ

Яхтенная жизнь – это редкие путешествия под парусами между *долгими сборами в дорогу*. Чем старше яхта, тем больше времени отнимает ее ремонт, пока, наконец, это удовольствие не превращается в непрерывный рабский каторжный труд. Рабский потому, что нельзя бросить и уйти в сторону. Яхта – она как семья, дается тебе одна на всю жизнь. Можно, конечно, подергаться туда-сюда по сторонам, но какой смысл *менять шило на мыло*.

А почему каторжный, попробую объяснить на примере типичного *рабочего викенда* – они все похожи, как близнецы-братья. Пусть это будет, скажем, начало июня.

С чего ж начать? С понедельника по пятницу я на работе, вечером в пятницу еду в Мариуполь *отдыхать на яхте*. В тот раз я был свободен до среды. Вечером начинать что-то делать уже не было сил, да и небо хмурилось, и дождь мог испортить всю работу. Пока я пил пиво и раздумывал, и в самом деле пошел дождь, и я забрался в свою берлогу (машину), включил телевизор и начал наслаждаться первыми часами отдыха после трудовой недели.

Дождь лил всю ночь. Я лежал, слушал музыку и не думал ни о чем. Жаль, что нельзя было открыть нараспашку окно, капли падали на морду лица и вмешивались в эту сонную идиллию.

Всю субботу шел дождь. Я провалялся до обеда, потом с трудом заставил себя заняться работой внутри яхты. На удивление быстро мне удалось поставить две накладки на разорванные шпангоуты в носу. Было еще светло, когда я, прихватив коробку сушеных абрикос и кулек с печеньем, расположился у телевизора. Дождь всё не кончался. Ночью от абрикос мне сделалось дурно и пришлось выходить под освежающий душ под темным небом. В три утра затарахтел подъемный кран – местные ребята спустили катер и пошли за рыбой. В четыре дождь еще капал. В пять облака поднялись и на востоке прорезалось солнце. Я потащился умываться и варить кофе. В шесть утра воскресенья стало ясно, что дождя не будет. Я взял тряпку и смахнул капли с борта. И началось.

Я просто перечислю те дела, которые мне пришлось переделать и которые обычно сопутствуют каждому спуску на воду после весеннего ремонта.

Отбил ватерлинию, для чего сначала наклеил вдоль борта двойную полоску из специальной липкой ленты. С этой лентой – вечная проблема, нельзя клеить заранее, чтобы она не присохла и не подорвала потом краску. Довольно трудно наклеить ее ровно, особенно одному. Ну, кое-как справился, закрасил пространство между полосками темно-синей эмалью. Одного раза явно мало, просвечивает белая краска, а ниже – темная грунтовка, – придется класть второй слой.

Подшкурил грунт на днище, чтобы лучше приставала необрастайка – специальная краска против ракушек. Существует поверье, что необрастайку нужно наносить непосредственно перед спуском на воду. Нанес валиком слой необрастайки.

Одиннадцать. Вернулись рыбаки.

– Привет, Олег, – говорю, – как улов?

– Да так себе...

– Сбросишь меня вечером?

Олег меня уважает – я недавно поставил ему бутылку почти ни за что, кроме того, я иногда прикупаю у его отца краску и пр.

– Ну, я здесь до четырех.

До четырех мне не успеть. Синяя краска всё еще не просохла. Лезу внутрь яхты заполнять пенополиуретаном явные дефекты шпаклевки и отверстия, оставленные на зиму для слива воды. Крашу синюю полосу еще раз. Снимаю липкую ленту, слава богу, белая основа не отрывается.

Рядом спускают "Грего". Прошу Женю оставить подъемную балку над моей яхтой. Беру валик и закатываю необрастайкой пространство под лентой, а также шверт, моторный отсек и все пропуски прошлой покраски, пытаюсь покрасить швертовый колодец изнутри. Завожу стропы для подъема яхты и прикрепляю их к балке, которая висит на крюке подъемного крана. Это самый ответственный момент, как бы ты ни старался, стропы всё равно повредят свежую краску при подъеме и нужно свести этот вред к минимуму. Подкладываю под стропы мягкие вещи: свои перемазанные краской штаны, одни, другие, полиэтилен. Оттягиваю стропы веревками на нос и на корму, чтобы они не соскользнули при натяжении. Завожу леер наискосок через акваторию гавани от подъемного крана к месту стоянки, чтобы после спуска подтянуть туда яхту по воде.

Семь часов вечера. Всё готово к спуску, зову Женю. Тут же находятся помощники, спуск яхты всегда собирает зевак и я всегда этим пользуюсь.

– Ребятки, придержите-ка стропы, только пальцы берегите. Женя, вира по-малу!

Последние штрихи, чищу и подкрашиваю места на днище под ложементами. Яхта плавно взмывает вверх и летит к морю. Я провожаю ее, как зачарованный. Белый, сверкающий в закатных лучах борт, синий кобальт ватерлинии, розовое днище. Славная работа! Дай бог, не в последний раз!

Яхта на воде. Первый осмотр – сильная течь через трещину в швертовом колодце. Зову Женю на консультацию.

– Да законопать ты ее прямо в воде, а на следующий год исправишь, – советует Женя. Деваться некуда.

Снаружи голоса:

– Стой, стой, веревка!

– Ах, вашу мать, вы чего тут гавань перегородили!

На свое законное место – прямо под краном – пытается причалить прогулочный катер с пассажирами, но мой леер ему не дает.

– Олег, – говорю, – подожди минутку, я уже ухожу.

Олег что-то бормочет и сдает назад. Вспоминать мою маму он явно опасается – мы с ним одного роста, правда, весит он в полтора раза больше, но зато у меня вид неизменно суровый, не допускающий каких-либо разночтений (мало кто догадывается, что это из-за небольшой близорукости).

Женя опускает балку и стропы уходят в воду, я снимаю леер с пирса, перевожу его на нос и пытаюсь вытянуть лодку из-под крана. Стропы цепляются за всё подряд – я забыл отвязать растягивающие их веревки. Лихорадочно бегаю по палубе, отвязывая концы. Наконец мне удается вырваться. Женя поднимает балку. На мое место сразу же устремляется катер. Краем глаза замечаю, как стропы на балке

поднимаются из воды и уносятся к берегу, а на них трепыхаются мои крашенные штаны и обрывки полиэтилена, поливая водой изумленную разнаряженную публику на катере.

Но ситуация нештатная, поскольку леер теперь не натянут через гавань, а закреплен на носу лодки. Я уже не провожусь по лееру, как рассчитывал, а просто тяну лодку за конец, привязанный к смежному пирсу. При этом ветер сносит ее на другие мирно стоящие лодки и всякие там буи – прощай свежая краска! Слава богу, ребята выручают. Наконец, общими усилиями яхта закреплена на своем месте, можно расслабиться.

Девять вечера. Я ставлю Жене "по дружбе" законные две бутылки, собираю свои разбросанные вещи и даже нахожу двух подвыпивших добровольцев, которые помогают мне вытащить мачту из эллинга. Один из них пытается затащить меня на свою яхту попить чайку и побеседовать о том, о сем. Едва ворочая языком я пытаюсь объяснить ему, почему мне не нравится эта идея. Кажется, он уходит обиженный.

В пол-одиннадцатого отрубаясь без памяти.

Понедельник, шесть утра. Предвкушаю удачный день, вчера так здорово всё прошло, даже борта не поцарапаны, правда, одни штаны таки утонули, на радость рыбам. С двумя проходящими рыбаками-пионерами переносу мачту на пирс. Нужно ее подлачить и вооружить. Осторожно снимаю циклей подпорченные слои лака, чаще всего лак портится в районе оковок. И вдруг в том самом месте, где к мачте крепятся ванты и штаг, цикля проваливается в пустоту – гниль! Быстро расцарапываю дырку размером с яйцо – гниль уходит под оковки...

Это финиш или попросту конец! Нужна новая мачта, а значит и новый такелаж. В голове возникает цифра с тремя нулями в долларах – это больше, чем стоит сама яхта в ее нынешнем состоянии. Значит, горит синим пламенем моя работа в Бердянске, горят все намеченные заказы и горит вожденная Обиточная коса и, вообще, вся эта осточертевшая яхтенная каторга. Может это знак свыше?

Я мучительно перебираю варианты и вспоминаю яхтенные книжки. "Арго", не понимая происходящего, игриво покачивается на швартовых, красуясь свежескрашенной задницей с темно-синей перламутровой полоской. Смотрите, мол, такой красоты у меня в жизни не было. Да, столько труда и всё насмарку? Нет, надо копнуть дальше.

Дальше я снимаю оковки, беру стамеску и выбираю всю гниль. Нахожу дубовые брусочки и делаю две вставки "на ус", одна перекрывает другую. Тщательно подгоняю и клеиваю на эпоскидке.

– Мастер-краснодеревщик! – шутят болельщики.

– Она еще тебя переживет. – Поддерживают другие.

К двум часам дня операция закончена. В мачту вставлен точно подогнанный протез. Но процедура выздоровления потребует времени. Бердянск – точно пролетает, что дальше – подумаем. С двух до восьми вечера я неспешно раздумываю, а в это время мои руки, вооружившись техническим феном и скребком снимают накопившиеся за десятилетия слои лака. Придется провести ревизию всей мачты и пропитать ее антисептиком, раз уж завелась такая гадость... Я скреб и скреб, не отрываясь ни на секунду, не обращая внимания ни на палящее солнце, ни на ве-

черный холод с моря, я превратился в какую-то биомеханическую приставку-скребок.

К ночи весь лак был снят. Я подогнал на пирс машину, чтобы пионеры не стащили чего-нибудь ночью, и завалился спать.

Вторник, три утра. Загрюкал кран, спуская катер. Плохо быть браконьером, подумал я сквозь сон, так рано нужно вставать.

В четыре меня разбудили рыбаки, обсуждавшие во всё свое рыбацкое горло этот мотор, который не заводится, и мать его, и этот стартер, который этот мотор не крутит с его матерью, а также мать друг друга и всех окружающих матерей. Мое изнасилованное тело отозвалось на этот шум тихим стоном и снова заснуло.

В пять встало солнце и я вместе с ним. Рыбаки всё еще возились в катере, но шумели меньше, видно, устали.

– Что случилось, Олег?

– Да, наверное, щетки... – Хмурый Олег стоял у крана, раздумывая, что же там может быть еще, кроме щеток и ихней матери.

– Щетки – вряд ли. – Сказал я с умным видом и пошел умываться. За спиной взвыл, наконец, мотор и унес страдальцев в море.

Потом с шести до четырнадцати я циклевал и шкурил мачту. Солнце обошло вокруг меня на 120 градусов и изрядно подпалило мой левый бок от уха до пятки. Я уже заканчивал, когда мимо прошествовал толстый мужик в очках с бутылкой водки в руке.

– Что-то мне силуэт этой яхты знаком, а вот названия не вижу?

– Это "Арго". – Хмуро отвечаю я, не поднимая головы.

– "Арго"!!! – Вопит пришелец. – Я отец Георгий!

Выяснилось, что мы с ним знакомы, как заочно, так и очно, только видимся редко – раз в пять лет. Отец Георгий, дьякон из Донецка, знаменит среди наших туристов-водников своим веселым нравом и необычным для священников увлечением парусами. Он стал жутко сокрушаться, что начал бутылку без меня. Я с трудом убедил его, что не могу с ним выпить и поесть колбаски, не могу даже поболтать, но зато сказал, что могу вечером подбросить его в Донецк.

Он тут же рассказал, как сам мастерит свои катамараны в однокомнатной квартире на одиннадцатом этаже, и предложил свою помощь. Я дал ему вывернуть несколько шурупов из гика, который собирался поциклевать. Это надо было видеть. После получаса разговоров о жизни вообще и о шурупах в частности он с гордостью показал мне первый вывернутый шуруп и удивился, почему я не выказываю каких-либо эмоций по этому поводу. Как мне было объяснить ему, что он разговаривает с машиной.

К счастью для меня он скоро нашел себе собутыльника, и когда они выпили всю водку и съели всю колбаску, то отправились вместе за новой порцией, оставив меня покрывать первым слоем лака мое сокровище.

Лакировка – высшая стадия ремонта. Это невозможно описать, это просто какое-то сексуальное чувство. Перед тобой лежит само совершенство, переливаясь на солнце смолистыми прожилками. Мачта склеена из разных пород дерева. Внутри сосна – она-то и подгнила в одном месте, снаружи – кедр, пронесший через

тридцать лет свой аромат и строгость линий. Я пропитываю мачту жидким лаком и ее древесина оживает, как глиняный такыр, наполняющийся водой. Дерево жадно впитывает светлую жидкость, как-будто понимая, что та несет ей жизнь и красоту. Эта картина стоит двух дней каторжного труда.

К пяти я осознаю, что просто валюсь с ног. Следующий слой можно нанести только через сутки, но у меня их нет. С трудом собираю вещи, извлекаю дякона из теплой компании, мы с ним заносим мачту в эллинг и уезжаем.

В пути отец Георгий развлекает меня песнями, говорит, что вырос за кулисами Донецкого оперного театра – там пели его родители. Я включаю пленку с "Набукко" и он начинает активно подпевать, дирижируя рукой со стаканом водки.

– Вот, слушай, переход, характерный для Верди, с субдоминанты на тонику, минуя доминанту, здорово!

Я просто немел от изумления. Я даже снял руку с баранки и пожал его стакан.

– Юра, я уже сто лет не встречал человека, который знал бы такие слова, хотя сам я знаю их с детства, и с кем я мог бы обсудить эту сторону человеческой жизни, дай, пожму твою лапу! – Поп расцвел.

– Но это же элементарно, Ватсон. Но скажи мне, как вот ты, профессор, а я очень уважаю профессионалов, хотя, впрочем, и среди них немало мудаков...

– Спасибо.

– ...ибо каждый из нас имеет право на мудаковость...

– Мудаковатость.

– Точно! Так вот, – он продолжал дирижировать стаканом, – как ты, профессор, как ты только можешь вот так вкалывать целыми днями на солнце и зачем?

Я попытался задуматься, но мой внутренний мир отозвался тихим болезненным звоном.

– Сам не знаю.

Потом я поставил "Реквием" Моцарта и отец Георгий начал активно подпевать, правда, когда я поинтересовался, что там за слова, он ответил весьма уклончиво, что он де, мол, не по этому профилю...

Вобщем, отец Георгий малость оживил меня, но в свою квартиру на втором этаже я еле поднялся.

Эти записи были сделаны *по горячим следам*. Сейчас, через полгода, я читаю их с наслаждением, а о том, что весной на меня опять свалится эта адская работа, – об этом я стараюсь не думать.

4. ГРОЗА

Сейчас зима, за окном темно и холодный ветер рвется в форточку к теплу, и что-то шепчет пыльная гитара на стене, и бокал Инкерманского Кокура – сухого и изысканного – покачивается в такт моим мыслям.

*...Декабрьский дождь в моем окне,
Замерзли капли на стекле,
И зимним вечером один
Гляжусь я в белый мрак гардин.*

*Смотрю, – темнеют небеса,
Как будто летняя гроза
Закрыла небо черной мглой
И разлучила нас с тобой.
Но где то
Лето?*

Насколько защищенным чувствуют себя человек под крышей теплого дома, и как передать словами ощущения бездны и безмерности моря и абсолютной незащищенности человека во власти стихии. Море бывает безумно красиво, но в нем нет ничего человеческого, оно равнодушно, оно живет себе своей жизнью, ничуть не заботясь о том, кто там его покоряет или преодолевает...

Как-то прошлым летом мне нужно было перегнать яхту из Бердянска в Мариуполь – ерунда, 50 миль, на день делов. Рано утром я поехал за яхтой. Накануне я вернулся из Ростова, где несколько дней гостил у родственников, а яхта всё это время дожидалась в Бердянске. Решив не откладывать это дело в долгий ящик, я в семь утра был уже в Мариуполе, оставил там машину, пересел на автобус и в десять я уже топал по знакомым улицам Бердянска. Нет, ей-богу, мне нравится этот город, там с одной знакомой мне Мэри N. я ходил по базару и даже покупал вино... На этот раз я ограничился помидорами, думал, да что там, к ночи буду уже в Мариуполе. Я спешил, у меня была запланирована важная встреча, скажем, соединение с эскадрой – *rendez-vous*.

Около двенадцати я отчалил, если это можно так назвать... На море был полный штиль. Жара – жуткая, пот в три ручья. Проверил запас пресной воды – два литра, не считая Бердянской технической. Тут я понял, что, пожалуй, поспешил.

После двух потянул легкий бриз, но слишком уж легкий, к вечеру я едва обогнул косу. У села, что сразу за маяком, причалил, чтобы набрать воды. Там есть, как и на Обиточке, такая копанка, пресная вода легче соленой и поэтому после дождей она не уходит вся в море, а держится в песке тонкой прослойкой над уровнем моря.

Местные пляжники и особенно пляжницы живо интересовались, не хочу ли я их покатать. Я смахнул пот со лба и сказал, что не хочу, ну, разве что, если только они будут дуть в парус. Кое-как я отошел на глубину, бросил якорь и залег спать.

После полуночи заработал ночной бриз с севера. Мне – на северо-восток, слава богу, можно идти в бейдевинд, то есть закрепить руль и улечься в кокпите, подложив подушку под голову. С полчаса я разглядывал ночное небо. Месяц только что народился и уже скрылся за горизонтом, небо черное-черное с мохнатыми звездами. Вот она – родная Большая Медведица, напротив через Полярную – Кассиопея, а поперек прямо над головой раскинул руки-крылья Лебедь. А под Лебедем – Мэри упирается ручками мне в грудь и подо мной качается Земля и уплывает за горизонт галактика по имени Млечный Путь.

*Я вижу тебя нагишом
входящую в летнее море,
как мелкая серая галька*

*скользит под твоими ногами.
Раскроет бескрайняя гладь
прохладные мягкие руки
и примут морские объятия
желанные плечи и грудь.
Трепещущий бархат ресниц
прикроет зеленые звезды,
и плавно бегущие волны
рассыпятся тысячью искр.*

*Ты рыбой скользишь в глубине,
ты птицей паришь над водою.
Ты близко, ты рядом со мною
всегда –
наяву и во сне.*

Родная моя, вся яхта пропитана тобой, ты – всюду. Вот отсюда, из-за двери на меня смотрели твои сияющие глаза, и на мой вопрос, – почему, ты сказала, что это обычное дело, если чаще этим заниматься, и я ответил (или подумал) что-то вроде – да, уж... Вот тут ты спала, когда я вел лодку, вот тут спала, когда я не вел лодку, вот тут... нет, это я вот тут уже сплю на вахте у руля. Так нельзя, если не хочешь неприятностей. То есть можно, но недолго, пока яхта проходит просмотренный тобой путь, пару минут.

Я встал у рубки, оперся головой на люк и начал смотреть, как светится разрезаемая лодкой вода. Почему-то в этом году море светится слабо, кстати, и медуз совсем нет, Видно, какая-то отравка в воде, или слишком жарко? Собственно, зачем мне медузы, медузы мне совершенно не к чему. А что мне "к чему"?

За этими полусонными размышлизмами меня и застал рассвет. Периодически я засыпал, тогда ноги у меня подкашивались, я стучался головой о крышку люка и просыпался – хороший будильник. Проснувшись в очередной раз, я с удивлением обнаружил, что небо в том месте, где по всем законам природы ожидался восход солнца, небо в этом месте как бы исчезло. Что за чертовщина? Хотя, да, собственно, всё так и должно было закончиться – после такой жары. Ожидание этого еще в Ростове мешало мне наслаждаться тещинными блинчиками и Донскими раками с местным пивом "Светлое – номер три" – наше в тыщу раз лучше, правда, у нас нет раков, но лучшие раки, как это ни парадоксально, живут в столицах, а для таких как я умников – ни рыба, ни мясо – в природе припасено слабительное под названием "Под парусом в грозу".

В отличие, например, от качки, к грозе нельзя привыкнуть, против нее нет прививок. И только по незнанию можно не заметить, что в строчках "Белеет парус одинокий..." главное не то, что *белеет*, а то, что *одинокий*. И попавший туда "счастия не ищет и не от счастья бежит", он просто туда попал и вынужден там находиться... некоторое время. Конечно, можно повернуть назад, спрятаться за Бердянской косой и какое-то время перебиваться помидорами... но как тогда быть с намеченным randеву, впрочем, randеву, похоже, всё равно пропало, помидоров,

так или иначе, до Мариуполя не хватит, и раз уж ты вышел в море, то не говори, что не дюж.

По моим прикидкам я прошел уже две трети пути, значит, нахожусь где-то около Урзуфа. Попробую-ка я рвануть под берег, там, глядишь, Белосарайская коса прикроет от востока. Но "рвануть" на яхте – это означает сменить галс и медленно приближаться, вполне есть время оглядеться и, как говорил Шифрин "насладиться зрелищем..." Потому что, несмотря на всякие там страсти-мордасти, вокруг – неописуемая красота. Я просто не могу это передать словами. Как это описать? Полнеба закрыто черной тучей, в которой блещут молнии. Потом откуда-то из-за кулис пробиваются солнечные лучи и подсвечивают верхние этажи. Туча – многоярусная громада с какими-то ходами, башнями... клубы дыма и огня. И над всем этим монстром – белое сияние с руками-щупальцами, протянувшимися во все стороны горизонта.

– Госпожа Медуза Горгона, – бормочу я, как в бреду, – Что ты хочешь от старенькой Аргоши?

Пока я дотягивал до берега, море расходилось во всю, но Белосарайская коса уже понемногу прикрывала восточную часть горизонта. Подобраться бы поближе – там можно отстояться и переждать грозу. Это еще миль пять-шесть через залив, но в самый центр грозы. Саму косу не видно, она должна быть где-то там, в грозовой темноте. И я снова сменил галс в море. "Иду на грозу", – вспомнилась любимая в юности книга. Боже правый, куда меня несет, что я делаю?

– Ничего, – уговариваю сам себя, – ты это сможешь, и Аргоша сможет, в крайнем случае – повернешь назад в Бердянск.

Море поседело. Лодка всё чаще ложилась на бок, в трюме угрожающе хлюпала вода.

– Потерпи, Аргоша, еще часик-другой и мы будем, как у Христа за пазухой.

В туче появился глаз, и широченный луч через всё небо осветил желанное убежище. Сквозь этот луч просвечивались отдаленные тучи-башни, а поперек его прикрывали черные тучи-крокодилы.

– Видишь, Аргоша, это божий знак – нам таки туда, всё верно! Спасибо тебе, господи, прости меня, неверующего. Вперед, Аргоша, ты видишь ставники? Как ты думаешь, мы вырежемся на наветренный край? Нет? Я тоже так считаю, лучше повернем, ты уж извини, потрепим паруса лишней раз. – Я промолчал о том, что самое тяжелое испытание для парусов еще впереди, спустить их в сильный ветер, да на ходу, да без помощника на руле – это как повезет...

Нам вполне повезло. Около полудня я стал на якорь под прикрытием косы у самого ее кончика.

Пляжники и опять-таки пляжницы, придерживая шляпы, с любопытством разглядывали вновь прибывший объект. Я вяло жевал помидор и смотрел на них, как инопланетянин, протирая слипшиеся от соли глаза. В два часа мне показалось, что ветер стихает и отходит к югу.

– Надо идти... рандеву... и вообще, на зиму нам в Мариуполь, – подумал я без особого энтузиазма, но поставил паруса и вышел из-за косы.

Оказалось – очередной случай из нескончаемой серии *Ти ж мене підманула*. Опять яхта лежит, опять в трюме вода, но, вроде бы, вырезаемся правым галсом на Мариуполь. Потерпи, Аргоша!

Вырезались мы только до Мелекино. Гроза закончилась, а с ней и ветер, пришлось ждать ночного бриза, так что отшвартовался я в родной гавани только к полуночи. Весь следующий день ушел на просушку всего, что намокло, а намокло почти всё, что только могло намокнуть, на упаковку, погрузку, утряску...

Вечером я был уже дома, живой, здоровый, только сильно сонный. Мой ангел снова помогал мне в пути и всё прошло благополучно.

*Всё пройдет, и мы с тобою прорастанем травой,
и крупницы нашей боли обретут покой.
Всё пройдет, для нас с тобою кончатся дела,
но об этом будет помнить лишь полынь-травя.*

...

*Всё пройдет, но зимним утром стоя у окна,
ты душой, а не рассудком вспоминай меня.*

СЕРЕНАДА

Под этим балконом
Гитару настрою,
Тебя разбужу я,
Прекрасная Донна,
Прекрасная Донна,
Под этим балконом
Свою серенаду
Пою я тебе.

Ты выйдешь в прозрачном
Своём одеянии
Из призрачных кружев
Под лунным сияньем,
Под лунным сияньем
Ко мне на свиданье,
Свою серенаду
Пою я тебе.

Пусть сверху струится
Серебряный иней
И блеск милых глаз
Упоительно синий,
Таинственно синий
Приют белых лилий,
Свою серенаду
Пою я тебе.

На лунных дорожках
Уснувшего сада
Пусть нас обнимает
Ночная прохлада,
Ночная прохлада
И жаркие взгляды,
Свою серенаду
Пою я тебе.

Взлетают ресницы,
Как серые птицы,
– Как жаль, – говоришь ты,
– Что всё это снится.
Опустятся птицы,
Смыкая ресницы,
И снова уснут
У меня на плече.

ОЛЬГА!

Тишина реки, карие зрачки,
Ольга!
Трепет тростника, тонкая рука,
Ольга!
Быстрая вода, юные года,
Ольга!
Будет так всегда, вторят облака,
Ольга, Ольга, Ольга, Ольга...

Так прозрачно тонка,
Так беспечно легка,
Так безумно красива,
Но порою ночной
Над прохладной рекой
Ты грустна, молчалива,
Ольга!

Ах, что за наважденье
Эта ночь у реки,
Темной волны скольженье
Пробуждает мечты.
Вторит её движенью
Отраженье луны,
До головокруженья
В воду смотришься ты,
Ольга...

ЛИЛОВЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Мой лиловый колокольчик
в бусах-капельках росы,
мой единственный цветочек
затаенной красоты,
через поле, через речку,
через луг наш заливной
я бегу, мое сердечко,
на свидание с тобой.

Окутал утренний туман
лиловых губ слепой обман,
раскрылись руки, как цветы,
всё это – ты!

Мой серебряный звоночек
вестник утренней зари,
мой единственный цветочек
затаенной красоты,
под твоим лиловым взглядом
закружилась земля –
упаду с тобою рядом
на лиловые поля.

Вновь станет небо голубым,
и всё уйдет, как с ветром дым,
но ты останешься со мной,
а я – с тобой!

Мой единственный цветочек
в бусах-капельках росы,
мой лиловый колокольчик,
позвони мне, позвони.
Может, сказка, может, небыль,
может, это снится мне –
твоих рук лиловых нежность
в предрассветной тишине.

ЛЮДИ-ЦВЕТЫ

Ирис-ирис,
что ты раскис,
светленький свеженький
свесился вниз.

Люди-цветы
всюду видны,
в солнечных пальцах
цветов лепестки.
Вот гражданин,
как георгин,
плотный, холодный
шагает один.
Рядом – сирень,
бледная тень,
юбок крахмальных
душистая сень.
Следом спешат
стайки ребят,
белых ромашек
дружный отряд.
Роза – одна,
роза горда,
шепчет, – До смерти
я буду красна.
Юный пион
спрятал в бутон
призрачный отблеск
грядущих времен.

Только ирис
что-то раскис,
светленький, свеженький
свесился вниз.

ЦЫГАНОЧКА

О чем грустишь, моя мадьярочка,
при ярком свете дня?
Ой-да, синеокая цыганочка
обидел кто тебя?

Ты расскажи, скажи, поведай мне
про всю свою беду –
во мне найдешь ты друга верного,
я тайну сберегу.

Какою мукою изломано
точеных рук кольцо.
Зачем ты прячешь за ладонями
прекрасное лицо.

Ты поднимись, пройдишь цыганочка,
монистами звеня.
Ой-да, ты зажгись, звезда-мадьярочка,
и нам поддай огня!

Здесь, вдали от милого
мне белый свет не мил.
А без него мне жизнь – постылая,
терпеть ее нет сил.

Да что же, что же тут рассказывать –
беда моя одна:
без милого желанного
и жизнь мне не мила!

Зачем, зачем мне руки белые –
его мне не обнять.
Зачем, зачем мне губы алые –
кого мне целовать.

Весь день, всю ночь до утра чистого
я буду танцевать,
и боль свою, звеня монистами,
я стану забывать.

МОЕЙ ХВОСТАТОЙ МИЛОЙ

Я ношу тебя под курткой,
под рубахою, под майкой,
на груди моей ты слева
спишь под розовым соском.

Ты живешь там сто столетий,
сто веков, а может, больше,
может, наши прапрадеды
пили вместе за столом.

А быть может, еще раньше
на заре всего живого
нас Господь столовой ложкой
замешал в один бульон.

Инфузориями были,
мы влюблялись и любили,
и делились беспрестанно
под серебряной луной.

Мчались годы, шли эпохи,
динозавром быстроногим
за своей хвостатой милой
я гонялся на лугу.

Раз такое приключилось,
мы с тобой летать учились,
залетели по ошибке
вместо дома – на Луну.

А однажды, ты под елкой
родила мне мамонтенка
волосатого, как мама,
и клыкастого, как я.

Только, как же так случилось,
став людьми, мы разлучились,
разнесло по белу-свету
наших клеток семена.

Но одна твоя пылинка
задержалась и осталась,
на моей груди ты слева
принялась и проросла.

И с тех под ношу под курткой,
под рубахой, под майкой
и под грудью волосатой
незабвенный образ твой,
тех времен воспоминанья,
тех времен переживанья,
ожиданья и прощанья,
расставанья и встречанья,
долгожданные свиданья
и горячие лобзанья,
и сердечные принанья
под неистой луной.

На груди моей ты слева
временами хулиганишь
и покалываешь сердце
бриллиантовой иглой,
и тогда проснувшись ночью
я ворочаюсь в постели,
а наутро, вставши рано
и умывшись из-под крана,
выпив чаю из стакана,
вынув ручку из кармана,
приняв позу графомана
на подушке от дивана
я беседую с тобой.

БЕЗ ЖЕНЩИН ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ НА СВЕТЕ...

Когда встречаю я блондинку,
талиа, глазки, ножки, спинка,
ножки и спинка, как на картинке, –
меня блондинки сводят с ума.

Если же встречу я брюнетку,
шалунью, скромницу ль, кокетку,
эти брюнетки, эти кокетки,
эти конфетки – слабость моя.

Что же касается шатенок,
я обожаю этот оттенок,
этот оттенок смуглых коленок
у всех шатенок пленяет меня.

Рыжих красавиц в мире немного,
чтоб отыскать их уходят годы.
Утратив годы своей свободы,
на рыжей (слуру) женился я.

Всеми плененный живу, как в застенке, –
всюду блондинки, брюнетки, шатенки.
Всюду блондинки, брюнетки, шатенки,
а дома рыжая жена.

Без женщин жить нельзя на свете...

ПОСРЕДИ ЗИМЫ

Твое маленькое тело
загорает непрестанно
под кокосовою пальмой
абсолютно нагишом.
Из турецкой выйдя бани
пьешь турецкий черный кофе
рядом с парнем из Майами
в габардиновом пальто.

Рядом те, кого не звали,
рядом те, кого не взяли
на Обиточную косу,
где жируют комары.
И распарившись, как летом,
в море ультрафиолета
ты ныряешь безвозвратно
из озоновой дыры.

Наверху сидят мужчины,
пьют мартини, мнут бикини,
изучают это диво
под стеклянным колпаком...
Пусть от зависти все сдохнут
комары на Обиточке –
это всё пока цветочки,
мы до ягодок дойдем.

СНАЧАЛА БЫЛО СОЛНЦЕ

о, как оно вставало
над кружевным заливом
Обиточной косы,
и, скинув одеяло,
бездумна и красива,
нага, легка, как воздух,
за ним вставала ты.

Любимая стихия,
о, море из морей,
желанная Мария,
скорее будь моей!
От серого причала
безумства и мечты
отчаливает лодка,
и правишь лодкой ты.

Вздымался черный гребень на пляшущих волнах,
и прятали ресницы огонь в твоих глазах.
И солнце до полудня светило к нам в окно,
и день всё не кончался, и было нам смешно,

Смешно и безрассудно, ну, как ему не лень,
а впрочем, что за дело, – смешались ночь и день...

...

А когда, наше солнце порою склонялось к закату,
изнуренное страстью дневной и твоей красотой,
то на смену вставал его брат, тонкий месяц-красавец,
подпоясанный Млечным путем и с ковшом вместо шляпы,
и венчал нас Полярной звездой...

Любимая стихия,
о, море из морей,
желанная Мария,
скорее будь моей!
С далекого причала
безумства и мечты
отчаливает лодка,
и правишь лодкой – ты.

И Лебедь, пролетая по Млечному пути,
стыдливо загляделся с небес на нас двоих.
Нам август гладил спины, и звездным лил дождем,
и вечности мгновенья искрились за бортом.

НЕБЕСА ТВОИХ ГЛАЗ

Опрокинулось небо на землю
и упало в два сказочных блюдца,
и ресницы, как черные стрелы,
в этом небе изменчивом вьются.

В этих блюдах, что моря бездонней,
дикий хмель и душистая мята,
заблудилась в них сотня влюбленных,
свой покой безвозвратно утратив.

Журавли здесь курлычут призывно,
окликавая заблудшие души,
и крушат своим сказочным клином
всех, на зов тот сюда заглянувших.

Под тем небом, прозрачным и синим,
закусил удила мой буланый,
разыгрался мой конь златогривый,
и влекомый неведомой силой
я лечу в этот омут желанный.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Я в тебя пожизненно влюблен,
я приговорен к тебе навечно,
крепостной стеною обнесен
с башнями свиданий быстротечных.

Серой пеленой закрылись дни
солнцем избалованного юга.
Этих дней беспечные стрелки
мы, не целясь, встретили друг друга.

За окном на небе месяц спал,
ночь-колдунья фонари качала.
– Так же не бывает. – Я сказал.
– Так не может быть. – Ты прошептала.

Что за вихрь поднял нас и унес,
это было на другой планете.
Среди миллионов разных звезд
можно ли единственную встретить?

Можно ли поверить в этот сон
и признать, что наша явь – ошибка,
и забыть про прелесть тех времен,
где смешались слезы и улыбки...

Пусть мы бесконечно далеки,
но в краю негаснущих желаний,
как ночного Севера огни,
светят нам костры воспоминаний.

Я в тебя пожизненно влюблен,
я приговорен к тебе навечно,
крепостной стеною обнесен
с башнями свиданий быстротечных.

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Бескрайние поля засеяны домами,
в асфальтовой сети продрогшая земля.
Качаясь и звеня, усталые трамваи
помогут мне уйти и скрыться от тебя.

Как загнанный олень, запутавшись в уздечке,
забыв покой и сон, судьбу свою кляня,
бегу от берегов далекой Черной речки,
что каждый божий день приветствует тебя.

Дрожащие холмы покрытые дурманом,
изгибы лепестков на пляжах янтаря,
закат моей весны окутанный туманом,
мне не хватает слов, чтоб описать тебя.

Как описать мне свет, что пробуждает зелень,
в открытое окно впускает воробья,
как мне найти ответ, зачем, в себя не веря,
я глупо и смешно сбегая от тебя.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Я рада тебя повстречать
и вновь потерять свой покой,
и снова, и снова тебе повторять:
– Мой милый, останься со мной!

Как сон, мое время летит,
заботы, дела день-деньской.
Хоть ум растревожен, но сердце молчит.
Мой милый, останься со мной!

Я была	Я пока
молода,	не стара
всё ждала	и умна,
и жила	и мила,
я мечтою	но другой
одной	стороной
о тебе,	ты идешь,
милый мой.	милый мой.

И пусть меня взгляд твой корит,
научена горькой судьбой,
забуду с тобой я и гордость и стыд,
мой милый, останься со мной!

С тобою простившись опять,
кричу я в простор неземной:
– О боже, ну, сколько же, сколько мне ждать?
Мой милый, останься со мной!

ХРАМ ХРИСТА-СПАСИТЕЛЯ

В зимнем городе
стынут головы
башен каменных
и церквей.
Позаброшенный,
запорошенный
там, на площади
Мавзолей.

Спят тимуровцы,
спят мичуринцы
и соратники
Ильича,
дети Сталина,
внуки Сталина -
всё растаяло,
как свеча.

Над Москва-рекой
колокольный звон
души спящие
бередит.
Кем вы звалися,
за что дралися,
Бог рассудит вас
и простит.

Ближе к вечеру
делать нечего,
зажигаются
фонари.
С милой девушкой
над Москва-рекой
загуляю я
до зари.

Пусть вокруг темно,
пусть вокруг светло,
будем пить вино
и мечтать,
да про жизнь свою,
и про ту страну
станем песни петь,
распевать.

Желтым золотом,
спелым колосом
эта жизнь манит
нас с тобой.
Пусть тот век прошел,
поживем в другом,
суету сменив
на покой.

В зимнем городе
в лютном холоде
согревает нас
на заре
свет рубиновый,
цвет любимый мой,
первый солнца луч
в синеве.

ГОРЫ

*Под старость или в рассвете лет,
Ночью ль, средь бела дня
Твой голос придет, как внезапный свет,
И ты позовешь меня,
Несбывшееся!...*
(А.Галич)

Из Улукеля вышли на рассвете и, останавливаясь лишь затем, чтобы перевести дыхание, поправить рюкзаки и растереть немеющие плечи, шли до последнего в этой долине приюта, где проходили сборы альпинистов. Дорога неширокой лентой вилась по лесу вдоль речки, то приближаясь, то удаляясь от нее, медленно, но упорно набирая высоту. Иногда лес уступал место заболоченным лужайкам, и тогда дорога, разбиваясь на тысячу змеек, терялась в мокрой траве. Вода сразу же набиралась в ботинки и противно чавкала там, а мокрые брюки прилипали к ногам, но это было неважно. Сначала Сергей пытался выбирать тропинки посуше, но ноги всё равно промокали, и, чтобы не сбиваться с ритма, он стал шагать напрямик по мелким лужам и ручейкам. Дорога была ему знакома. Год назад он проходил здесь и был поражен безлюдностью и красотой этих мест. Основные туристские маршруты проходили в стороне, и, если не считать альпинистов в Верхней хижине, они, пожалуй, были одни в этой долине.

Легкий утренний туман обернулся мелким дождиком, но это было даже приятно, только ботинки немного скользили на крутых взлетах да промокшие лямки рюкзаков еще сильнее резали плечи. Лес кончился, и дорога, уже давно превратившаяся в едва заметную тропинку, после небольшого подъема вывела их на широкое и довольно ровное травянистое плато, где то там, то тут, словно почерневшие от времени избушки, были разбросаны огромные валуны. Мокрая трава, доходившая до пояса, оплетала колени и цеплялась за одежду. Казалось, что переходишь вброд какую-то степную речушку, всю заросшую водорослями и тиной.

Сергей вышагивал старательно, не спеша и не запинаясь, пытаясь сосредоточить свои мысли на дороге и на своих движениях, на боли в плечах, на чем угодно, черт возьми, лишь бы только не думать о том, что опять и опять просачивалось в него, как эта болотная вода, отчего начинало першить горле, а желудок, подрагивая, сжимался в комок.

...Боже, надо ж было быть таким ослом, чтобы создать себе все эти мучения! И на что же он надеялся, на то, что она пойдет с ними без Олега, или что одно удовольствие видеть её будет доставлять ему радость? Может он просто хотел задержать судьбу, надеясь..., собственно, на что? На что!? И неужели он не знал, что всё будет именно так, ведь знал же, наверняка...

Сергей не мог, да и не хотел разбираться во всем этом. Какая-то неодолимая сила заставила его предложить ей пойти с ними в горы, и вот теперь там позади, за возбужденными и раскрасневшимися лицами товарищей качается голубой колокольчик её шапочки.

...И как не думать о том, что через три дня в Архызе её будет ждать Олег. И что будет потом, как они пойдут дальше вместе? Главное – не быть ослом и не распускать нюни. Ну, да – так да, нет – так нет...

Сергей пропустил вперед Киселька и Тарановского. Она приветливо качнула ресницами.

– Зойка! – он старался говорить весело, – давай помогу.

– Ну, что ты, Сереженька, у меня всё о'кей! Совсем легко, видишь.

Сергей видел, что совсем не легко, в горах она первый раз, но видел также, что настаивать бесполезно.

– Помоги лучше Татьяне.

Татьяна была высокой и крепкой девушкой, ноги у нее были, как пружинки, и в помощи она явно не нуждалась. Сергей ушёл вперед...

– Привет, ребята! – Из хижины, здороваясь, выходили альпинисты. – Парни, гитара пришла.

Кисилек сбросил с себя рюкзак с гитарой. Вечер погрузился в песни.

...Не так давно она сказала ему, что выходит замуж за Олега. Собственно, этого и следовало ожидать, и он давно знал, что всё к этому идет – она ничего не скрывала. И, тем не менее, эти слова, со всей своей категоричностью и законченностью снежной лавиной смяли и погребли его под собой. Это был конец.

Она всегда относилась к нему, как к своей подружке, для нее он был милым мальчиком, которого можно чмокнуть в щечку, которому можно поведать свои тайны, поплакаться в жилетку, немножко поругать того, с кем была разлучена, и он понимал это. Понимал и не пытался, или не мог, что-либо изменить, и она была ему благодарна за это. Олега он знал только по её рассказам, Олег был частью её жизни, но Олег был далеко...

Ночь была тёплой, и он не стал застегивать спальник. Зойка лежала рядом. В темноте угадывался её профиль, мягкие пряди волос. Из палатки видны были звезды. Такие спокойные, вечные. Дыхание спящих заглушалось шумом реки. Сон освобождал от мыслей и, как в детстве, казалось, что завтра всё будет хорошо.

...В тот вечер он, как всегда, проводил её до общежития, потом, стоя на остановке, выкурил все свои сигареты, потом вернулся, потом в дверях общежития встретил её подружку и попросил позвать Киселька, она глядела на него испуганно и непонимающе – было около полуночи, и вид у него, судя по всему, был неважнецкий. Потом они с Кисельком бродили по городу почти до утра и говорили, говорили, о чём – этого он не помнил, да это и не имело значения, просто так говорили и курили чужие сигареты, ну, кажется, они решали еще какие-то мировые проблемы. Потом он ушёл домой один...

Сергей проснулся от непонятного ощущения. Странное чувство. Он открыл глаза и увидел звезды за откинутым пологом палатки. Это была её рука. Она гладила его шею, грудь, плечи. Еще не проснувшись окончательно он туго соображал, что там нужно делать в подобных случаях... Он повернулся, и она его поце-

ловала... губы, глаза... Потом он сам... Несколько неумело, но, в общем, здорово. Потом ещё... и ещё... Потом он расстегнул на ней рубашку и почувствовал, что губы его куда-то проваливаются.

– Дурак! – еле слышно выдохнула она и отвернулась.

Как прошел остаток ночи он не помнил, кажется, они ещё целовались. Мыслей не было, то есть, совершенно не было. Голова пустая, как небо над палаткой, лишь где-то в глубине горели, как звезды, её поцелуи. И что там была за пустота? Почему пустота? Этого он так и не узнал. Никогда.

ОСЕНЬ

ЛИСТЬЯ

носит
ветер
письмами по свету.

Груду

пишем
гулкий
вечер
бросит мне на плечи.

Город

листьев

полон
красных
– тяжело ужасно.

Руки

рвут
конвертов
мины,
– Где ты, мой любимый?

Шепчут

губы

скачут
строчки,
– Здесь я, мой цветочек.

Листопадом

похоронен.
– Падают ладони.

– Холод

мне

сжимает
губы
меж постылых буден.

Только носит

боль надежды
осень
ветром прежним.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

самое начало,
жизни середина,
голубая грусть.

Дымный сумрак бара,
сквозь янтарь бокала
беззаботный шелест
незнакомых губ.

Где мы раньше были –
не спросясь бродили
летом и зимою
вдоль и поперек.
Вдоль по параллелям,
по меридианам,
друг за другом следом,
милый мой дружок.

Вдоль по коридору
прогремели шпоры,
на моем запястье –
тонкая рука.
У моей девицы
черные ресницы,
голубые джинсы,
синие глаза.

Как я мог подумать
(кто бы не подумал),
– Пройденный сценарий,
знаем на зубок.
Вот идет, играет
и пока скрывает
белые бретельки
серый свитерок.

Взяв шесть струн в подмогу,
вышел на дорогу
разудалый витязь,
вышел на разбой,
и с шестью дружками
забросал снежками,
сбил с пути девицу
и увел с собой.

Серая портьера,
в сердце холодок.
Неужели – правда,
милый мой дружок,
неужели – вместе,
неужели – нет!?
И прикосновенье
теплых губ в ответ.

Голые осины,
снежный склон крутой,
черное на синем,
пропасть за спиной.
Так неотвратно –
черное на синем.
Черное на синем,
ты теперь со мной.

Голубые джинсы,
серый свитерок,
белые бретельки,
розовый сосок...

Того, что пролилось,
нам не остановить.
Того, что началось,
назад не вернуть.
И выпито вино,
и сказаны слова,
и вот уж видно дно,
докуда нам достать.

– Боже, как мне с тобой хорошо!
Ты люби меня, милый, люби.
Мама-мамочки, как хорошо!
До зари, до зари, до зари...

– Ты неповторима,
черное на синем,
и невозвратима...

Так неумолимо
пролетела вечность,
как февральский снег.
Где мы были вместе,
там теперь нас нет.

Боже, как всё близко,
ночь, фонарь, записка –

номер шестизначный –
будто бы во сне.
Время пролетает,
но лежит, не тает,
тот бакурианский,
тот февральский снег.

Снег лежит – не тает,
так же не бывает.
Время пролетает,
так же не бывает.

Так же не бывает!

ШКИПЕР И МЭРИ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРАХ

*Гоняясь за идеалом
так легко скатиться в пропасть
(Оскар Уайльд)*

КИЕВ

Город тонул в утреннем тумане. Первые прохожие, зябко поживаясь, скользили по обледенелым тротуарам. Дворники чистили лопатами снег, а на перекрестке невыспавшиеся гаишники, как завзятые рыбаки, уже забросили удочки и подстерегали свою первую жертву.

– И охота ж им в такую рань, – подумал Шкипер. – Правду говорят, голод не тетка. А почему, интересно, так говорят? – Размышляя таким образом он свернул влево за ограду.

Владимирский собор проступал из мглы желтыми контрфорсами стен. Центральный вход был закрыт, но сквозь стеклянную дверь, опутанную черной решеткой, внутри угадывалось какое-то движение. Проходившая мимо женщина махнула рукой в сторону бокового входа. Шкипер толкнул дверь и вошел внутрь.

В церкви было темно. Лишь некоторые иконы подсвечивались редкими свечками да над алтарем протянулась тусклая гирлянда электрических лампочек. Благочестивая старушенция, продававшая у входа свечи, крестики и прочую мелочь, отчитывала какую-то барышню в кожаном пальто за то, что та поставила свою сумку на стеклянную витрину. Шкипер купил четыре желтые свечи, напоминавшие неочиненные карандаши, и вступил под вязкую тишину храма. Скептически оглядев золоченые лики святых на темных стенах он без колебаний подошел к большой иконе у левой стены. Окутанные серебряным окладом на него глядели греко-еврейские глаза богоматери с пожилым младенцем на руках.

– Вот уж кому всегда достается больше всех, так это матерям. – Подумал он, разглядывая икону. – Пока их бесноватые сынки доказывают свое превосходство над другими двуногими, они добывают им еду и стирают им белье. А потом еще и оплакивают их бесноватость да свою горькую долю...

Шкипер запалил первую свечку от оплывшего огарка и воткнул ее в подсвечник. Свечка пошатнулась и угрожающе наклонилась. Тогда он разогрел ее основание и утопил в подсвечнике.

– Это за тебя, моя радость, за бесконечное долготерпение на долгом пути. – Шкипер зажег другую свечу.

– Это за тебя, душа моя, за нашу прижизненную встречу. Будь здорова и счастлива! – Свечки выстраивались в ряд, слева направо, и лик божьей матери одобритительно светлел.

– Это за тебя, мой дружок, за успокоение и поддержку.

Над четвертой Шкипер на мгновение задумался и вопросительно посмотрел в карие глаза в серебряном окладе.

– Это за тебя, мой зеленоглазый ангел, моя неизведанная планета. Пусть всё никак не кончится или кончится хорошо. – Он оглянулся, как будто его окликнули и всмотрелся в пустоту за спиной. В немом пространстве явственно звучал многоголосый аккорд с легкими диссонансами, а с хоров лился лиловый свет пробуждающегося дня. Шкипер с сомнением покачал головой и снова повернулся к иконе.

Какой-то прилично одетый господин, истово крестясь, присоседил рядом свою свечку. Шкипер искоса его оглядел. Мужчина выглядел весьма озабоченным.

– Да, брат, – подумал Шкипер, – видно несладко вам тут приходится, в столице.

Господин, как видно, сильно спешил, и Шкипер снова остался один. За окнами посветлело и на потолке проступили какие-то изображения окантованные золоченой вязью. "...По образу и подобию своему...", – с трудом разобрал Шкипер. – "Шестой день". Фреска изображала шестой день сотворения мира, Творца с нимбом над головой, склонившегося над обнаженным Адамом.

– Как всё просто, – Шкипер покачал головой, – хочешь простоты – верь в нее. Нет, слишком уж просто... и поэтому скучно.

Чуть поодаль он рассмотрел еще один сюжет. Что-то похожее на "Отдых на пути в Египет". Шкипер надолго задумался. Египет, Каир, Мэри..., как всё сложно. Как объяснить, что это не моя жизнь, что одного желания мало и слишком велик риск всё потерять..., с другой стороны, сколько той жизни...

Шкипер вышел, не перекрестившись. Город совсем уже проснулся, поток машин заградил улицу и гаишники в полную силу размахивали жезлами, "подсекали и вытаскивали". Шкипер постоял немного, пришел в себя и слился с толпой.

КАИР

Нахальный лучик утреннего солнца всё-таки пробился сквозь неплотно задвинутые жалюзи. Но, вспыхнув яркими бликами сначала на натертой до блеска мебели, потом – на огромном, почти во всю стену, зеркале в дубовой раме и на тонком стекле бокалов на тумбочке у кровати, он не нашел ничего лучшего, чем спрятаться, наконец, в золотистых волосах спавшей женщины.

Почувствовав его теплое прикосновение, Мэри улыбнулась во сне и открыла глаза. Улыбка сразу погасла: она всё вспомнила...

Осторожно, стараясь не разбудить спящего рядом мужчину, Мэри встала, подняла с пола ворох прозрачных кружев – пеньюар, взяла с тумбочки сигареты и вышла в соседнюю комнату, бесшумно задвинув переборку, отделявшую спальню от гостиной.

Широкий балкон, опоясывавший здание по периметру, как всегда в это время, встретил ее ароматом цветов, терпким запахом свежеспелой зелени и радостными возгласами первых купальщиков: отель просыпался. На соседнем балконе худощавая темноволосая женщина, что-то напевая, сняла с веревки темно-красные кружевные трусики и, улыбнувшись Мэри, ушла в комнату.

Мэри вдруг вспомнила, как незадолго до отъезда, в тесном магазинчике у Кировских ворот, куда она забрела в поисках пикантного белья, старый толстый армянин, взглянув, как она уже в третий раз перебирает образцы, не найдя ничего подходящего, ушел куда-то в подсобку и вернулся с поистине сказочным комплектом:

– Бери, бери, лучше не найдешь, сделай ему подарок!

И хотя "подарок" стоил втрое больше того, что она предполагала истратить на белье, Мэри взяла, не раздумывая, представив, как Шкипер потеряет голову, увидев ее в этих белых кружевных трусиках. Их можно даже не снимать, а лишь немного сдвигать в о в р е м я. И к ним еще – пояс с белыми чулками и пояс – с черными. Пусть в Египте жарко – она же одевается не для того, чтобы спрятаться от холода, а чтобы он мог ее раздеть...

Больше думать об этом Мэри не могла. Мягкая рука, поначалу лишь слегка сжимавшая сердце, давно уже превратилась в жесткие тиски: еще немного – и не вздохнуть. "Ты сама загнала себя в ловушку, так что терпи", – успела подумать Мэри, как сзади звякнула переборка и послышались мягкие шаги.

– Куда ж ты пропала, Мари? Просыпаюсь, а тебя и след простыл! – Высокий темноволосый мужчина, улыбаясь, вышел на балкон и блаженно замер, подставив лицо солнцу, которое с каждой минутой становилось всё жарче. Мэри резко встала, отбросив сигарету:

– Доброе утро, Стасик! Пойдем в бассейн? Или сразу завтракать?

– Ну, уж нет! – Решительно опустившись в кресло, Стас посадил Мэри к себе на колени и крепко обнял. – Зачем, ты думаешь, я приехал в Каир? Завтракать? Так вот, ошибаешься, дорогая...

Улыбаясь, он потянул ее руку вниз:

– Смотри, что с ним делается...

Чувствуя, как мужское желание будит в ней ответный отклик и радуясь ему (всё лучше, чем собственные мысли, от которых лишь болит сердце), Мэри мягко пробежала кончиками пальцев по его инструменту, нежно пощекотала вниз и опять поднялась наверх, к самым чувствительным струнам. Стас закрыл глаза, откинувшись в кресле и с наслаждением отдаваясь ласкам. Но нескольких движений оказалось достаточно, чтобы она почувствовала: пистолет вот-вот выстрелит. На помощь пришел секрет, которому давным-давно научила ее приятельница. Казавшееся неизбежным на время отступило. Стас благодарно поцеловал ее и поднял, не выпуская из объятий.

– Ты у меня самая замечательная. До сих пор не верю, что ты здесь, со мной, что я смог увезти тебя сюда, что ты принадлежишь только мне, – шептал он, унося ее в комнату и снимая на ходу пеньюар.

"Бедный, милый, какая же я стерва! Если б ты знал... Я даже себе не принадлежу – как я могу принадлежать кому-то еще? Конечно, кроме него! Но ему-то это совсем не нужно... Как он сказал тогда по телефону? "Я совсем не такой, каким ты меня представляла. У каждого из нас своя жизнь. Что-то сломать в ней можно очень легко, а исправить бывает невозможно. Нам лучше не ездить никуда вместе. Давай ограничимся письмами. Лучше живи спокойно..."

Последняя фраза особенно жгла, Мэри даже застонала от своих мыслей – и вернулась к реальности. Нет, лучше уж думать о Стасе...

Они познакомились больше года назад на какой-то бестолковой вечеринке. Моложе нее лет на пять (потом оказалось – на восемь!), он, тем не менее, весь вечер не отходил от Мэри, танцевал только с ней и смешно злился, когда ее приглашали другие. Под утро, когда все разъезжались, заявил, что тоже живет в Строгино и сам доставит ее домой. Их дома и впрямь оказались чуть ли не по соседству и Мэри на радостях легко согласилась зайти к Стасику на чашку кофе. Но вместо кофе он прямо в прихожей, опустившись на колени, чтобы снять с нее сапоги, вдруг прижался лицом к ее ногам и стал говорить, какая она необыкновенная, удивительная, что таких женщин он еще не встречал, и так хочет ее, как никого в жизни...

Через неделю она бы уже, наверно, забыла об этом свидании: подобные встречи тем и хороши, что не предполагают никакого продолжения. Но Стас оказался настойчив: звонил почти каждую неделю, приглашал то в театр, то в ресторан, то на шашлыки или на очередную тусовку, "где будут все". А в подтексте постоянно сквозила его готовность к серьезным отношениям. Этого Мэри совсем не хотела.

Давным-давно, лет десять назад, она расставила для себя все приоритеты: на первом месте – дети и семья, на втором работа, а всё остальное – на третьем. Переосматривать свои взгляды ни ради Стаса, ни ради кого другого она не собиралась. О чем однажды откровенно тому и сообщила. Почти год после этого Стас не звонил, а потом объявился снова.

За это время в его жизни явно произошли перемены к лучшему. Стас стал более уверен в себе, раскован, сменил выдававший виды "жигуленок" на шикарную "тойота каролла". Единственно, что осталось в этом новом супермене от прежнего Стасика – это какое-то покорное, собачье выражение, которое иногда появлялось в его глазах, когда он смотрел на Мэри.

"А ведь сегодня как раз и началась бы наша поездка со Шкипером", – вдруг вспомнила Мэри. Все мысли о Стасе сразу улетучились. В голове билось только одно: "Уже сегодня мы могли быть вместе. Господи, как же я хочу его! Я бы, наверно, умерла в его объятиях..." Мэри почувствовала, как при этих мыслях теплая волна властно подхватила ее и понесла всё выше, выше, на гребень, откуда так мучительно-приятно падать в бездну.

– Мари, тебе хорошо? По-моему, у нас так получилось первый раз за все эти дни...

– Да, милый.

– Послушай, а давай мы не поедem сегодня ни на какую экскурсию! Проведем весь день в постели.

Мягкая рука опять жестко сжала сердце.

– Ну уж нет. Ты уже бывал здесь, а я-то в Египте впервые! И о чем я расскажу дома? Как мы с тобой развлекались в отеле? – она хотела шуткой смягчить свой отказ и чувствовала, что шутка не получилась. А в сердце стучало: "Я не могу больше думать о Нем, а с тобой мне ничего другого не остается..."

Вечером, вернувшись с экскурсии, они, не заходя в номер, спустились в бар. Это у них уже стало традицией: вечером перед сном выпивать рюмку-две виски. Считалось, что виски действует на Мэри как снотворное, после него она засыпает как убитая. На самом деле это была игра, и Мэри не была уверена, что Стас этого не понимает. Но ему такая игра была необходима, и Мэри шла навстречу этому, совершенно случайно угаданному ею, желанию.

Свое открытие она сделала чуть ли не в первую их ночь в Каире. Измотанная перелетом и всеми московскими переживаниями, Мэри заснула, едва поднесла голову к подушке. Проснулась она от нежных прикосновений. Приоткрыла глаза и сначала не поняла, что происходит. В мягком свете луны (жалюзи были подняты) Стас лежал рядом с ней, одной рукой слегка раздвигая ей ноги и нежно лаская ее языком. А другой рукой он делал какие-то ритмичные движения, время от времени прижимаясь чем-то твердым и скользким к ее груди.

Целую минуту ей понадобилось, чтобы понять, что происходит. "Господи, мы же могли бы сделать это сотни раз, достаточно было сказать мне об этом", – подумала Мэри, сделав было движение, чтобы показать, что она проснулась. Но тут же замерла. Ей вдруг пришло в голову: ему как раз и нужно, чтобы она спала. Чтобы взять ее сонную, когда она всецело в его власти и он может делать с ней, что хочет, не заботясь о ее желаниях (обычно-то он "на все сто" выполнял свои обязанности любовника, добиваясь, что она непременно прошла с ним весь путь до конца).

Делая вид, что она никак не может проснуться, Мэри во сне стала откликаться на его ласки своими словно произвольными движениями, которые чем дальше, тем становились всё откровенней. Она видела, как это заводит Стаса, и сама возбуждалась от его возбуждения. Он стонал всё громче, и наконец, не выдержав, перевернул ее на бок, спиной к себе, и вошел с таким неистовством, как будто наступал конец света. В тот раз он впервые закричал – до этого лишь стонал, стискивая зубы. Потом крик повторялся каждую ночь...

Но сейчас допить виски ей не удалось.

– Я давно хотел у тебя спросить: почему ты вдруг предложила мне поехать с тобой в Египет? До этого ты не всегда соглашалась даже встретиться на пару-тройку часов. А тут вдруг уехала на целых две недели...

– Почему ты спрашиваешь? Тебе плохо со мной? – спросила она, чувствуя, как в ней борется жалость к нему ("он ни в чем не виноват") и страстное желание сказать правду и прекратить, наконец, эту муку – отдаваться одному, мечтая о другом.

– Нет, очень хорошо. Но мне кажется, что тебе плохо. Ты как будто всё время думаешь о чем-то. Тогда, в нашу первую встречу, я чувствовал, что ты вся принадлежишь мне – пусть ненадолго, но вся. А теперь ощущаю рядом лишь частичку тебя. Что происходит? Может, ты влюбилась? Но как же твои принципы...

– Ты на самом деле хочешь это услышать? – спросила она, уже охваченная восторгом близкого освобождения.

– Хочешь?

– Да-а.

– Ну так знай правду: ты связался со стервой! Какие принципы... Всё очень просто: я поехала с тобой, чтобы забыть другого. Но у меня ничего не получается. И, наверно, не получится никогда. Это как наваждение. Но ты тут не при чем, и я не должна была делать то, что сделала. Прости...

– Он что, разлюбил тебя? Как ему это удалось?

– Очень просто: он никогда и не влюблялся. Было несколько минут... Плюс море, яхта, звездные ночи. Самое печальное, что я даже обидеться на него не могу. Что же делать, если он т а к чувствует, а я по-другому. Всё равно для меня он лучше всех. Впрочем, прости, я говорю что-то не то. Завтра я возвращаюсь в Москву. Спасибо, мне было очень хорошо с тобой...

В reception, куда Мэри обратилась, чтобы узнать, где можно срочно обменять авиабилеты, дежурная записала ей нужные телефоны и, переспросив фамилию, неожиданно протянула сложенный вчетверо листок бумаги. Мэри развернула его и, не веря своим глазам, прочла: "Очень рад, что ты столь насыщенно отдыхаешь. Заезжал сегодня днем, и узнал, что вы уехали на прогулку по Нилу. Надеюсь, что я тоже здесь не заскучаю. Желаю удачи. Передавай привет и наилучшие пожелания своему спутнику. Шкипер."

Первый раз в жизни Мэри поняла, что такое животный страх. Это когда ужас взрывается где-то в животе и опускается еще ниже, одновременно затопляя паникой мозг. "Всё, я его потеряла навсегда, потеряла навсегда, потеряла навсегда", – билась навязчивая мысль, пока Мэри, мешая английские и русские слова, пыталась узнать, не сообщил ли господин, передавший записку, название отеля, где он остановился.

– Нет, мадам, увы.

"Что я спрашиваю, ведь я знаю, где он остановился, в том отеле, который мы заказывали вместе. Как же он назывался? Павлин? Нет, Pavilion!"

– Пожалуйста, соедините меня с отелем Pavilion. Нет, лучше сами спросите, остановился ли у них мистер... Вот его фамилия.

– Подождите минутку, мадам. Да, этот господин сегодня приехал. Но час назад он рассчитался и выехал из отеля. Очень сожалею, мадам...

Ну, вот и всё... Мэри вышла на улицу. Город жил своей оживленной вечерней жизнью. Чему-то смеялись туристы у входа в отель – скорее всего, французы. Неподалеку кричали зазывалы, приглашая купить самые лучшие в мире кожаные сумки и самую душистую пахлаву. Мальчишки настойчиво просили бакшиш, предлагая какие-то цветные бусы и дешевые монисто.

Без единой мысли в голове, Мэри шла, отмахиваясь от самых назойливых торговцев.

Сзади заурчал мотор и к ней медленно подполз открытый кабриолет. Мэри сделала красноречивый жест: дескать, проезжай! Но таксист упорно тащился следом, должно быть, рассчитывая, что рано или поздно она передумает. Чувствуя на себе пристальный взгляд и желая избавиться, наконец, от этого навязчивого преследования, она раздраженно обернулась. За рулем кабриолета сидел и внима-

тельно смотрел на нее... Шкипер! Но разглядеть его получше Мэри не успела. Тротуар почему-то резко накренился, как яхта при сильной боковой волне, и ринулся ей навстречу, заслонив всё вокруг...

ПУСТЫНЯ

Колеса, шурша, подминали под себя остывший за ночь асфальт. Открытый кабриолет летел через пустыню на восток, навстречу светлеющему небу. Звук сыто урчащего мотора заглушался свистом ветра. Два силуэта словно застыли в этом потоке, прижавшись друг к другу за ветровым стеклом. Сзади из-под колес выплывали облака пыли и тут же растворялись в предрассветной мгле. Весь мир отступил за пределы светового конуса фар и как бы застыл в ожидании чуда.

Мэри спала, обхватив Шкипера за шею и прижавшись щекой к его плечу. Иногда встречный ветер, прорываясь из-за стекла, шевелил ее волосы, и тогда она, сладко потягиваясь, чему-то улыбалась сквозь сон, или, втягивая голову в плечи утыкалась носом к нему в грудь и снова засыпала. Ровная, как стрела, дорога разрезала пустыню на две терракотово-апельсиновые дольки. Светало.

Рука Шкипера окаменела на рукоятке переключения передач. Он хотел было потянуться и выключить фары, но побоялся разбудить спящую Мэри. Скосив глаза он увидел, как ветер шевелит ее волосы, в очередной раз удивился ее улыбке и перевел взгляд на дорогу. В воздухе дрожали первые лучи нового дня. "Утро новой жизни, – подумал он и тут же рассердился, – Какая банальность! Боже, неужели это происходит со мной, я чувствую себя, как новорожденный. И это в мои-то неполные сто лет. Ну и чушь!"

– Боже, неужели это всё наяву? – Как будто продолжая его мысли, Мэри, приподнялась, опираясь на его правую руку. – Неужели это я и ты, мой Шкипер, здесь, как в сказке.

Рука Мэри, соскользнула и, чтобы удержать равновесие, ей пришлось упереться кулачком в его грудь. По спине у Шкипера побежал холодок.

– Милый, ну что это за чудо, ну, почему ты так хорош. Эта грудь, эти плечи, и это всё мне одной!

– Ну, надеюсь, не только тебе. – Шкипер прищурился. Встречное солнце слезило глаза, и он попытался опустить щиток. – Не только тебе одной... – Хитрая улыбка потонула в его усах.

– Милый мой, родной. – Мэри, уже ничего не слыша, что-то мурчала у него над ухом, как будто прицеливаясь, какой кусочек отхватить в первую очередь. – Милый, тебе мешают солнце? Сейчас я его "затмю"! – Она обняла его шею и прикоснулась губами к его губам, и он ощутил влажный трепет ее дыханья, и тепло ее груди на своем плече, и удары ее сердца, казалось, готового выскочить из своей тесной обители.

– Мэри, о, Мэри, о, Мэри, что ты со мной делаешь, я ведь ничего не вижу. Мы же на дороге, не хулигань! – Рассудок с трудом отстаивал свои права.

– Потому что я девчонка-хулиганка и я хочу...

– Дай мне посмотреть на дорогу!

– Хочу к тебе,пусти меня. – Гибкое тело Мэри, легко втиснулась в пространство между рулем. Откинувшись спиной на руль, Мэри, обхватила Шкипера своими коленями, и тому пришлось, чтобы удержать управление, взяться за руль обеими руками. Ее шелковая юбка задержалась где-то на уровне пояса, и мягкое сокровище в белых кружевных трусиках уютно пристроилось на его коленях.

– Мэри, на спидометре 90. – Бормотал он, вытягивая шею, чтобы лучше видеть дорогу. Он был уже весь в ее власти. В животе и в груди что-то екало и падало в открывающуюся бездну. Скорость добавляла ко всему этому какую-то безрассудную остроту.

– А разве мы спешим? – Ее трусики съехали набок, открывая черный гребень извечного желанья.

– О, боже, конечно нет. – Он убрал ногу с педали и машина сползла на обочину. – С тобой тут шею свернешь от такого зрелища. Ну-ка, иди сюда.

Шкипер взял Мэри, двумя руками за талию и легко поднял с колен. Шелковая юбка, как занавес, скользнула вниз.

– *Finita la comedia!* – Колени Мэри прижимали плечи Шкипера к сиденью, ее пальцы блуждали по его шевелюре, мягкий шелк ее юбки касался его лица.

Солнце подсвечивало снизу эту картину, Мэри, всем своим телом ощущала солнечное тепло и тепло рук Шкипера, сжимавших ее бедра. Когда его пальцы проникли под кружевную резинку ее трусиков, в животе у Мэри, что-то сладко сжалось, распрямилось и потекло.

– Да, милый, да, сейчас, прямо сейчас, я так хочу тебя!

Шкипер мотнул головой, смахивая с лица ее юбку, скользнул пальцами по ее бедрам, опустил трусики и приник губами к черной полоске, источавшей любовь и желание.

– О да, милый, – Мэри, тихо застонала в ответ и взъерошила пальцами его волосы. – Да, родной мой!

Он стянул с нее трусики и она, поднимая ноги, помогла ему. Потом, опустившись коленями на сиденье, она растянула на нем брюки и попыталась стянуть их вместе с бельем. Ему пришлось приподняться, чтобы облегчить ей эту задачу. При этом резинка зацепилась за что-то невообразимое. Она приподняла ее двумя пальчиками и выпустила на волю своего мальчика. Его головка блестела влагой неумолимого желанья. Мэри, прикоснулась к нему кончиком языка, слизнула выступившую капельку и обняла его губами. Ей пришлось соскользнуть с предусмотрительно отодвинутого назад сидения под рулевую колонку, где оказалось достаточно места для ее маленького тела.

– О, Мэри! – Шкипер изнывал под ее сладострастным ртом. – О, Мэри, иди ко мне скорей, иди же! – Он поднял Мэри, с колен, она обхватила его ногами и впустила его в себя. Его горячая плоть, орошаемая струями любви, вдруг почувствовала, как она сжимает его со всех сторон, пропуская вверх, как она сжимает его, пропуская вниз. Вверх, вниз, вверх...

– Боже, как мне с тобой хорошо, милый мой, так, да, так! – Она прижалась к нему грудью, он отыскал под блузкой ее сосок, взял его зубами и слегка сжал. Она закричала. Боже, да, да! Вверх, вверх, вверх! Он взлетал к небесам горячей струей, а

она сжимала его в объятиях всем своим маленьким телом и, закусив палец, заканчивала биться в любовной агонии...

Шкипер очнулся, как будто от какого-то тяжелого взгляда. Мэри, лежала сверху и, кажется, не собиралась его отпускать. Ее шелковая юбка была единственной одеждой, прикрывавшей их обоих. Шкипер поднял глаза. Рядом с машиной стоял верблюд и с надменным видом что-то лениво жевал. Из рта у него угрожающе свешивалась пена.

– Этот гад сейчас испачкает мне машину. – Подумал Шкипер. – А ну, пошел вон!

Шкипер замахнулся на верблюда и тот, как бы нехотя, отскочил в сторону. Мэри, подняла голову и посмотрела по сторонам.

– Где мы, что это?

– Мы в пустыне, по пути на восток. Это верблюд. А еще, знаешь что?

– Что-о-о? – зевнула Мэри, потягиваясь и оглядывая окрестности. Солнце поднималось над холмами терракотовой пустыни, над серой полоской дороги, над бежево-ковровым верблюдом, жующим желтые колючки, над темно-вишневой машиной у обочины, над женщиной с зелеными глазами и разметавшимися рыжими волосами, в расстегнутой блузке, отсвечивающей розовым на белом. Солнце нового дня поднималось над задумавшимся Шкипером, на котором Мэри, направляла свою юбку. – Так что там еще?

– Знаешь что, я люблю тебя, Мэри, я люблю тебя, моя женщина, моя единственная, моя самая для меня сделанная... – Мэри наклонилась к нему, обхватила своими тонкими руками его русую голову и прижалась грудью к его лицу. Остаток слов утонул в поцелуях.

– Боже! – думала Мэри, – Наконец он это сказал.

– Боже! – думал Шкипер, – Неужели я это сказал. Впрочем, что слова...

Они с трудом оторвались друг от друга. Мэри откинулась на сиденье, запрокинув к небу лицо, и вдруг заговорила неожиданно серьезно.

– Милый мой, по-настоящему любимых женщин, насколько я успела понять, в твоей жизни было лишь две. Одна – это самая первая, с которой ты, после всех мечтаний, в реальности ощутил, насколько сексуальна и желанна может быть Женщина. И Другая, которая помогла тебе понять, насколько сексуален и желанен можешь быть Ты сам, твое замечательное тело. Всё остальное – вариации на заданную тему.

Но есть еще и третья вершина, правда, взять ее удастся лишь немногим. Это, когда начинаешь понимать, что сексуальным, желанным и бесконечно острым может быть не только соприкосновение тел (хотя это, конечно, в первую очередь), но и касание душ – прости за выпренность, я не могу найти другого слова. Потому что всё самое интимное у человека – внутри: так легко сбросить одежду с тела и так трудно – покровы со своего "я". Это возможно лишь в мгновения самого большого наслаждения. И когда это удастся – оно становится по-настоящему острым, потому что соприкосновение получается абсолютным.

Шкипер, облокотившись на руль, смотрел на разгоряченную Мэри, на ее темное от загара лицо, тонкий профиль на фоне синееющего неба, светлые волосы, стриженный затылок. Мягкая линия шеи плавно переходила в плечо, скрываясь под блузкой. Вдохновленная вниманием аудитории Мэри распалась еще больше.

– А потом мы опять начинаем прятаться за слова – "а то, не дай Бог, подумает, что навязываюсь, что я без него не проживу, что я хуже него... и т.д.". Так вот, та самая третья вершина, о которой я говорю, – это когда слова-обманки не нужны, когда постоянно ощущаешь, что другой человек – это целый мир, такой же бесценный и хрупкий, как и ты сам (вместо принципа "мы одни в целом мире" приходит принцип "весь мир – в тебе, весь мир во мне, весь мир в нас"). И та немислимая острота от близости, которая раньше возникала лишь иногда, и – на краткий миг, начинает повторяться всё чаще, на всё более длительные периоды.

Конечно, это самый высокий уровень, "высший пилотаж", и до него надо дорасти. Стремление к такой гармонии в нас заложено изначально, но шанс достичь ее используют не все (хотя пытаются многие, хотя бы с помощью той же религии, которая, по сути, всё та же тоска о гармонии в Любви)...

Шкипер восхищенно молчал, и Мэри положила свою руку ему на плечо.

– Знаешь, может быть, смысл нашей встречи, предопределенность которой всё не дает мне покоя, – как раз в том, чтобы напомнить друг другу об этой, еще не достигнутой нами вершине. Может быть, не для того, чтобы достичь ее вместе, – просто напомнить, что она есть. А уж пытаться ее достичь или нет, – каждый решает сам. – В завершение своей бурной речи Мэри стукнула кулачком по плечу Шкипера, и тот почувствовал, как его пронзила волна нежности к этому маленькому существу. Он обнял ее за талию и заворковал, как бы продолжая ее тронную речь:

– ... поскольку жизнь коротка, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно горько..., – ладонь Шкипера легла ей на живот и Мэри прикрыла глаза, – а было бы, как минимум, утомительно сладко, ну пусть уже не по три-четыре раза в день, пусть даже не каждый день, а хотя бы временами, хоть раз в неделю, в месяц, в год, но лет так еще пятьдесят! – Его пальцы уже пробрались за резинку ее белых кружевных трусиков и ласково и настойчиво изучали их содержимое.

– О, боже, – пробормотала Мэри, – неужели еще пятьдесят. – Она запрокинула голову и губы ее раскрылись.

– Еще как! Что это тут за чудо такое. – Губы Шкипера встречали ее дыхание.

– Три-четыре раза? Господи, да ты маньяк, Шкипер! – Мэри выгнулась, и Шкипер перебрался к ней на сиденье, усадив ее к себе на колени. – Но это нужно проверить.

– И немедленно, – поддержал ее Шкипер. – Ну-ка, приподнимись, чтобы я смог стянуть штаны, и мы это сейчас проверим.

– И зачем было надевать. Подумать только, еще пятьдесят лет вот так – стаскивать и надевать, стаскивать и надевать – замучаешься... – Мэри со смехом снимала с себя трусики, пытаясь удержать равновесие на мягком сиденье, а Шкипер, покусывая ее за проносившиеся мимо его лица пикантные подробности, пытался

справиться со своими брюками. Они, похоже, веселились от души. Наконец, Мэри опустилась к нему на колени, и в животе у Шкипера что-то задрожало, завибрировало и потекло горячей рекой вниз, и подкатило пеной к горлу. Он обхватил Мэри обоими руками и слегка прижал к себе. Мэри тихо застонала и попыталась найти его.

– Нет – я, я хочу тебя! – Шкипер откинул сиденье и перевернул Мэри под себя.

– Нет, Шкипер, нет, это я хочу тебя... – Мэри отвела коленку в сторону и они слились воедино, ощущая внутри друг друга влагу горячего желания. Они проникали всё глубже и глубже через сжимающие кольца объятий, пока не соприкоснулись своими полюсами извержений и, задыхаясь от содеянного, забились в тесной глубине своих тел.

Машина мягко тронулась с места и быстро набрала скорость. Верблюд, перестав жевать, вытянул шею и проводил их долгим надменным взглядом. Потом он стряхнул пену на землю и продолжил свое увлекательное занятие. А солнце поднималось всё выше и выше, и они ехали всё дальше и дальше по растрескавшейся, как вся их жизнь, терракотовой пустыне навстречу новым дням и ночам их новой жизни.

КОЛОДЕЦ

Зови – не дозовешься,
кричи – не докричишься,
и Млечный путь в колодце,
откуда не напиться.

Зачем я здесь – не помню,
чего я жду – не знаю,
лишь ветер надо мною
сухой журавль качает.

И скрип тот – небылица,
звезда на дне – преданье,
но может ли забыться,
и можно ли напиться,
иль лучше утопиться –
извечное гаданье.

БАСНЯ ПРО РАКА И РЫБУ

Под древними холмами Казантипа
купалось в море утреннее солнце.
Две длинных мягких тени, словно рыбы,
скользили под задумчивой водою.

Одна из рыб была с усами с виду,
другая же, по сути, была раком.
Поэтому, друг друга дополняя,
они в воде держались очень близко
и плыли так бок о бок, совсем рядом,
почти сливаясь.

Когда тела их вдруг соприкасались,
тогда в воде проскакивали искры,
в прозрачной чешуе отобразаясь
и бликами по морю рассыпаясь.

Так рыбы говорили меж собою,
беззвучно и бессмысленно, лишь чувства,
послушными их двигали телами.

— Эх, если б только был я человеком,
а не холодной и никчемной рыбой, —
сказал усатый рыб своей соседке.
— Сидел бы я сейчас себе на солнце
и наслаждался охлажденным пивом
с вареной дюжиной твоих подружек.
Щипал бы их за полненькие попки,
сосал бы грудь, закусывал клешнями —
ну, что за жизнь у этих, у двуногих!

— Ах, если б только я была не раком,
а настоящей полноценной рыбой,
хотя бы даже воблою сушеной.
Тогда бы ты, меня освобождая
от чешуи и прочих украшений,
ты смог бы обкусать всё мое тело
и обсосать меня до самых ребер,
и все мои чешуйки затеряться
смогли б в твоих усах.
О, мой желанный,
как бы я хотела с тобою слиться
в одно... и в пиве раствориться,
когда бы был ты человеком
и наслаждался охлажденным пивом...

– Опять любовь. – Подумал хмурый рыб,
– О боже, куда ни кинь, везде одно и то же.
Ну, нет бы просто плавать и молчать,
ну, не дадут о пиве помечтать! –
А вслух сказал – Родная, что с тобою.
Ведь если, скажем, вдруг ты станешь мною,
а я тогда, естественно, тобою,
то как смогу тобой я любоваться
и с кем тогда я буду целоваться,
какой безумный бред и эгоизм –
обречь себя на нудный нарциссизм,
не говоря уже о прочих -измах,
от коих есть одно лишь средство – клизма.

Так он вещал, своим величием гордый,
и сникший рак кивал ему покорно...

Но снова солнце воду золотило,
и ветер над водой расправил крылья,
рождая волны, брызги, пену, шум прибоя.
И снова рыбы – плыли под водою.

И снова рыбы под водою плыли,
между собой они не говорили,
поскольку рыбы немые, как известно.
Лишь чешуей касаясь, так чудесно
их длинные тела переплетались,
как будто меж собой они шептались.

И было это странно и чудно,
а что слова – не всё ли им равно.

Они ведь – рыбы...

ДО ВСТРЕЧИ

Пусть это нам приснится,
привидится во сне,
как мы, проснувшись утром,
купаемся в росе,

как вслед за Крымским солнцем
к вершине мы идем,
потом, спустившись к морю,
купаемся вдвоем,

потом, уставши очень,
мы кушаем кишмиш,
потом...

спокойной ночи,
увидимся, малыш

